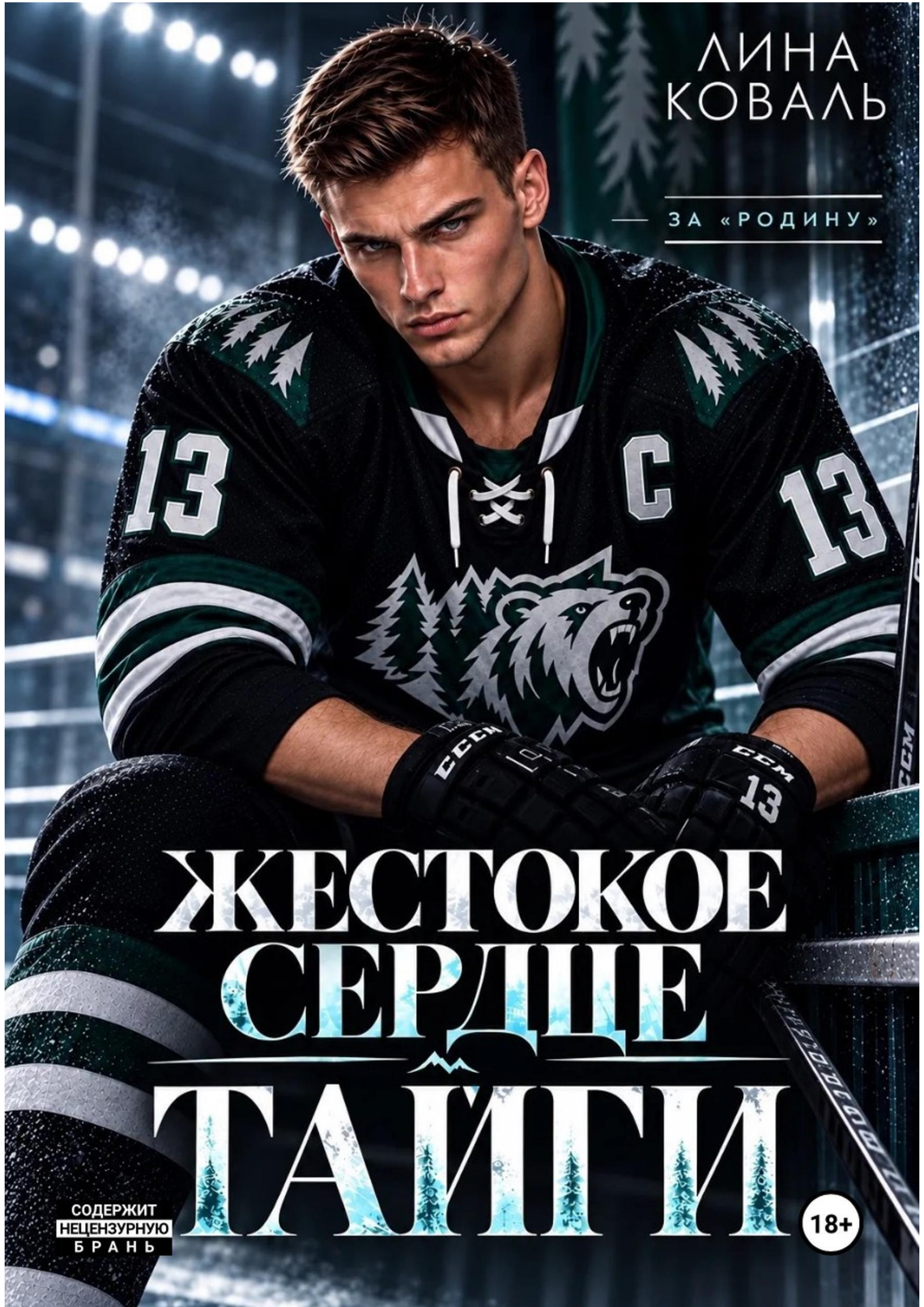

ЛИНА
КОВАЛЬ

— ЗА «РОДИНУ» —

ЖЕСТОКОЕ СЕРДЦЕ ТАЙГИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лина Коваль

Жестокое сердце Тайги

«Автор»

2026

Коваль Л.

Жестокое сердце Тайги / Л. Коваль — «Автор», 2026

Ярослав Загорский — самый скандальный и неуправляемый хоккеист «Родины». Болельщицы за необычный елово-зеленый цвет глаз с придыханием называют его Тайгой, собственный отец считает исчадием ада. Александра Золотая полностью оправдывает свою фамилию многочисленными медалями в учебе и спорте. В меру амбициозная, старательная и добрая, Саша совсем не думает о парнях и отношениях. Смысл ее жизни заключен в маленьком городке, куда она обещала вернуться, получив высшее образование. А до наглого красавчика-сына своего опекуна ей нет никакого дела. Тайгу же интересуют только заветный кубок и память о матери. Остальное — «до одного места», но все меняется, когда капитан команды соперников признается Александре в любви прямо на игре и приоритеты Ярослава круто меняются. Теперь Золотая позарез ему нужна. Он рассчитывает ее присвоить и проигрывать не привык. ЦИКЛ "ЗА РОДИНУ" (все читаются отдельно): Первая часть цикла про Арктику и Аню ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ АРКТИКИ

© Коваль Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сюрприз!	6
Глава 2. Тайга дремучая или человек	9
Глава 3. Мангонутый	12
Глава 4. Трущобы души	15
Глава 5. Кремовый пирог	17
Глава 6. Жозефина	20
Глава 7. Связь полушарий	23
Глава 8. Деревяшка	26
Глава 9. Герасим	29
Глава 10. Повелитель температуры	32
Глава 11. Черный день	35
Глава 12. Еще чернее...	37
Глава 13. Рыжий Ови	40
Глава 14. Ждуля	44
Глава 15. Пинг-понг	47
Глава 16. В моем номере	50
Глава 17. По любви	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лиана Коваль

Жестокое сердце Тайги

«ЖЕСТОКОЕ СЕРДЦЕ ТАЙГИ»

© Коваль Лиана, 2026

Исключительные права на публикацию книги принадлежат автору. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения автора запрещается.

Связаться с автором, а также узнать новости о новинках и творческих планах можно через Телеграм канал [Лиана Коваль. Автор](#) или канал в МАКС [Лиана Коваль. Любовные романы](#)

*Все персонажи являются вымышленными,
любое совпадение с реальными людьми случайно*

Глава 1. Сюрприз!

Саша

— Кто вообще в здравом уме любит этот хоккей? — ворчу, забрасывая чехол с теннисной ракеткой на заднее сиденье и выбираясь из автомобиля.

— Да все эти хоккеисты — просто ходячий секс. Ты видела их фигуры? А как они разминаются на раскатке? Тащи скорее сюда свой зад, Золотая...

Да-да... Это она про меня.

Все люди как люди, а ваша Саша — Золотая!

Не самая плохая фамилия, учитывая, что я могла быть Могила по отцу. В нашей семье до сих пор ходит шутка, что родители планировали надо мной поиздеваться.

Саша Золотая-Могила...

Или Могила-Золотая...

Как вам?

Хлопнув дверцей, наклоняюсь к боковому зеркалу и обильно смазываю губы моим любимым бальзамом с ароматом манго.

— Ты где? — интересуется голос Владки в наушниках.

— К сожалению, рядом...

— Тащи сюда свой кругленький зад. Я примерзла к асфальту...

— И зачем я сюда приехала? — задаю риторический вопрос и бросаю ярко-желтый тюбик с бальзамом в сумку.

— Господи, ну почему ты такая скучная?

Я не скучная.

Я — дисциплинированная.

— Может быть, ты все-таки одна сходи... — Резко останавливаюсь и проглатываю язык. Прямо на меня со стороны Ледовой арены наступает мой опекун — Загорский Борис Сергеевич.

— Что там? — лезет Владка с расспросами.

Я изучаю высокую мужскую фигуру в сером классическом пальто и продолжаю стоять как вкопанная.

— Саша, — говорит он резко, грубовато.

Это необычно.

— Здравствуйте.

— Ты как здесь? — Оглядывает мой белоснежный короткий пуховик и джинсы. — Тебе так не холодно?

— Я здесь с подружкой. Она болеет за «Родину», меня вот позвала, — тараторю. — И нет. Мне не холодно... Я ведь на машине.

— Да. — Борис Сергеевич смотрит на парковку и кивает, когда замечает мою Жучку.

Вообще, это японский мини-кроссовер красивого шоколадного цвета с кучей функций, но я ласково зову его Жучкой и исправно кормлю самым вкусным бензином.

— Надо было новую машину тебе взять. Перед людьми неудобно.

— Да зачем? Мы ведь это много раз обсуждали. Я в первый же день покоцала диски поребриком на выезде из дома, во второй — машину увезли на автоэвакуаторе, потому что я перепутала знаки дорожного движения и припарковалась там, где нельзя.

Борис Сергеевич, кажется, становится таким, как обычно: добрым и понимающим.

— Со всеми бывает, Александра. Подучишься немного — машину поменяю.

— Ну уж нет. Разве друзей меняют?

— Молодая ты еще... В жизни все бывает. — Смотрит как-то задумчиво.

— В общем, не надо ничего...

— Хорошо. Ну, беги давай... на игру. А потом жду тебя дома. Разговор есть.

— Какой?

— Приедешь — узнаешь. — Он обгоняет меня, оборачивается и качает головой. — И носи, пожалуйста, шубу, которую мы купили. В ней тебе будет теплее.

— Ой, точно. Завтра... Обязательно...

Я тороплюсь к входу и быстро отыскиваю там Владку. С толпой мы проходим через досмотр и попадаем на трибуны.

— Вау! Смотри. Это Загорский. Тайга! Ярик!

— Тише ты, болезная! — шикаю на нее и ищу глазами тринадцатый номер.

Ярослав оборачивается на крик, но выражения его лица я не вижу. Воображение дорисовывает, что оно, скорее всего, отсутствующее.

Как обычно, когда младший Загорский смотрит на меня.

Клянусь, брейк-данс интересует пенсионеров больше, чем моя скромная персона — сына опекуна.

— Привет, девчонки! — звучит над нами знакомый голос.

— Ратмир? — я перевожу удивленный взгляд на подругу. — Ты специально, да?

Владка хмыкает и тут же отворачивается:

— Я здесь ни при чем.

— Подвинься. — Старшекурсник спортфака, давно проявляющий ко мне интерес, садится рядом.

Сагеев тоже хоккеист. Правда, в «Родине» произошел какой-то конфликт, и Ратмир теперь тренируется и играет в соседней области.

Матч начинается, и я искренне стараюсь не искать взглядом Тайгу, хоть и понимаю, что это по-детски.

Избегание чувств, даже не совсем приятных, — это очень несерьезно, Александра!

И вообще, я не должна чувствовать себя виноватой за то, что Борис Сергеевич от чистого сердца однажды решил мне помочь и забрал под свою опеку от родных.

Отношения Ярослава с отцом — их личное дело.

— «Спартак» их раскатает, — говорит Ратмир и откидывается на спинку сиденья.

Его колено задевает мое.

Я старательно отодвигаюсь.

— Ты не можешь знать этого наверняка... — зачем-то возражаю.

— Вот увидишь...

Не вовлекаться в то, что происходит на льду, невозможно. Парни так быстро носятся, что дух захватывает. Первый период действительно заканчивается победой москвичей. Второй — остается за ничьей, а в начале третьего — ведущий, как и до этого, объявляет танцевальную паузу.

Это очень весело!

Операторы снимают на камеру танцующих болельщиков на трибунах, а режиссер все это транслирует на большом кубе сверху.

Я тоже смотрю и особо улыбаюсь пляшущему ребенку, как вдруг замечаю там... себя!

Владка хихикает:

— Саша! Это ты...

— Я поняла... — Облизываю пересохшие губы, нервно приглаживаю светлые волнистые волосы и вижу на экране, что в руках Ратмира теперь объемный букет в нежных оттенках.

Повернувшись, смотрю на него изумленно.

Это... мне?

— Александра! — Сагеев широко улыбается, наблюдает за моей реакцией и... опускается на одно колено.

Господи, мне хотелось бы исчезнуть...

Интерес болельщиков к хоккею резко падает. Если бывший капитан «Родины» хотел устроить шоу — у него точно получилось.

— Саша... Ты мне очень нравишься. Да... черт возьми, я в тебя влюблен, — обезоруживающе признается.

— Да-а-а! — ревет толпа.

— Влюблен? В меня? — изумленно спрашиваю и посматриваю на лед.

Период еще продолжается, но тринадцатый номер на скамейке запасных.

— Как будто я сказал что-то страшное, — Ратмир меня отвлекает, смеется. — В общем, я давно понял, что ты не такая, как все. Я очень хочу... с тобой встречаться. Пожалуйста, дай мне шанс...

— Дай парню шанс! — кричат сверху.

— Ну!

— Не мучь Сагеева! — слышится со всех сторон.

— Х-хорошо, — выдавливаю из себя. — Я... согласна.

Вру, естественно.

У меня в этом семестре три самых серьезных экзамена и практика.

Возможно, молодые люди будут интересоваться мной где-то на курсе четвертом, там есть сессия с двумя зачетами.

Но это не точно...

Забрав цветы, собираюсь занять свое место, но теперь болельщики кричат: «Целуй!»

И Владка — предательница! — тоже!

— Саш... — Сагеев приближается ко мне.

— Прости, я так не могу, — говорю Ратмиру прямо, с трудом удерживая цветы.

Что за Средневековье? Почему я должна потакать толпе?

— Конечно. Я и не рассчитывал. — Он смеется и улыбается оператору, показывая большим пальцем «класс». — Она сказала «да»!

Глава 2. Тайга дремучая или человек

Как только лишнее внимание трибун спадает, Владка снова с нами.

Склонившись, шепчет:

— Полинка сейчас написала: «Тайга на лед не в настроении вышел», но я смотрю, что первые два периода он еще более или менее держался. А вот сейчас как с катушек съехал.

— На мой взгляд, это его повседневное состояние, — тихо замечаю я и кончиками пальцев беспокою крупные бутоны чайного цвета.

Розы мне не нравятся...

Есть вообще определенная сложность, чтобы тебе понравилось то, чего ты никогда не держала в руках или не пробовала.

Просто чтобы вы знали: еще мне не нравится декоративная косметика, любая брендовая одежда, готовить шпаргалки, ходить на пересдачи, тапиока и... поцелуи.

Кстати, исключение из правил: тапиоку я все-таки попробовала.

Это такие разноцветные крахмальные шарики, от которых все пищат, только я не понимаю, что в них классного.

На льду завязывается настоящая драка.

Ярослав так впечатал защитника москвичей в борт, что один из спартаковцев решил заступиться за своего.

Мужчины скинули краги и каски и наносят друг другу удары.

Один за другим.

Заканчивается все тем, что Тайга остается без футболки в одном защитном нагруднике, и толпа девчонок с фан-зоны начинает неистово визжать.

— Начался цирк с конями, — усмехается Ратмир. — Пойду пока выйду. Хорошо?

— Хорошо, — я, конечно, сразу киваю.

Никогда ни с кем не встречалась... и не знаю, может, это принято так? В туалет отпрашиваться? Знала ведь, что эти отношения — полная ерунда.

Губы снова сохнут. Есть у меня особенность, когда нервничаю, — кусаю их.

Отыскав тюбик в сумке, наношу бальзам и убираю поближе, в карман куртки. Кто знает этот хоккей? Может быть, еще пригодится...

— Мы победили! — кричит Владка.

Такая довольная, будто ей автомат по маркетингу вlepили.

Ратмир возвращается и продолжает смотреть на меня так, будто за эти два часа что-то кардинально поменялось.

— Пойдем?

— Да... — Вешаю сумку на плечо, мягко прижимаю к себе букет.

— Золотая! — прилетает мне в спину, как только я собираюсь на выход.

Я медленно оборачиваюсь и смотрю на лед.

К бортику вихрем или взрывной волной приносит Тайгу.

Он знает мою фамилию?

Откуда?

— Подойди, пожалуйста...

Ярослав снова без этих ужасных огромных перчаток и без каски. Темные густые волосы зачесаны назад, а квадратное лицо не несет в себе ни капли ценной информации, а что левый глаз хорошенько подбит, я и сама вижу.

Боже...

С драчунами я еще никогда не общалась.

— Пойдем, Саша, — тянет за руку Ратмир, толпа тоже подгоняет.

— Подожди, — я мягко вырываюсь

Нельзя просто уйти, Александра!

Мало тебе было проблем.

Дерзай.

В конце концов, мы ведь не чужие.

Вдруг Ярославу понадобилась моя помощь? Борис Сергеевич так добр ко мне. Где бы я сейчас была, если бы не он?

Живу в огромном двухэтажном доме, еду готовит повар, а уборку делают горничные. Учусь в одном из лучших экономических вузов.

У меня даже машина теперь есть... Знал бы Котик — обзавидовался.

Я посматриваю на белоснежный лед, на который уже высыпали жены и маленькие детки игроков, и осторожно спускаюсь.

Один лестничный пролет, второй, третий.

Останавливаюсь у борта.

— Привет, — говорю почти официальным тоном.

Уже привыкла к тому, что Ярослав мне на это не отвечает, но сегодня ему отбили голову, поэтому Загорский смотрит куда-то за меня, а затем гипнотизирует мое лицо.

— Привет! — звучит лениво-грубовато.

— Эм...

— Что?

— Просто удивляюсь, что у тебя, оказывается, есть голос, — без улыбки объясняю.

— Есть немного...

— Выменял его на глаз?

— А... да. — Он медленно трет нижнее веко костяшками пальцев и... резко наклоняется.

— Что ты...

Сердце уходит в пятки, потому что в следующий момент я взлетаю к нему на плечо.

— Пойдем-ка летаем...

— Немедленно меня поставь!

Мир кружится перед глазами. Реклама на льду, чьи-то ноги, задница Тайги. Анатомически, кстати, в моем понимании, правильная.

На ноги встаю уже злой.

— Только попробуй, — грозно предупреждаю, упираясь ладонями в мощные плечи.

Душа до сих пор трепещет.

— Как скажешь...

Горячие губы касаются моего рта, а наглый язык Загорского забивает третью шайбу в ворота за сегодня.

Кстати, из моего обычно острого язычка вратарь такой себе. «Заходите, располагайтесь, первым будете», — он, конечно, не говорит, но быстро становится податливым и мягким.

Слишком мягким.

Это длится долго.

Очень долго...

Как перемена между парами макроэкономики.

Свет на арене будто бы отключили, а в уши вставили наушники с шумоподавлением, которые враз спадают, и я слышу крики вокруг... Детей, игроков «Родины», радующихся победе...

Пытаюсь отдышаться и сделать хоть немного разгневанное лицо, параллельно анализируя произошедшее.

Моя исследовательская натура трепещет.

Я...

Да что это за бред вообще?

Целоваться рот в рот...

Мне... да-да... мне противно.

Только вот что именно противно, я сообразить не успеваю.

Все в целом как-то...

Слюни эти, дыхание грубое, кожа жесткая, царапающаяся.

Кстати, я не думала, что у хоккеистов даже мышцы вокруг губ целуются так, будто их с весами в зале подкачивают и на беговой дорожке разминают.

— Мм... манго... — Загорский смотрит на меня сверху и улыбается...

Ого.

Разговаривает, улыбается.

Может, он вообще человек, а не дремучая Тайга?

— Хочу еще... — Хватает меня за плечи.

Я вырываюсь.

— Ни в чем себе не отказывай. — Сую ему в ладонь ярко-желтый тюбик из кармана и... с позором убегаю со льда.

Глава 3. Мангонутый

Большого труда мне стоит откатать Владку от восторга и как-то оправдаться перед Ратмиром. Но раздражает другое: с какой стати я вообще должна перед ним оправдываться? Я ведь не собираюсь ни с кем встречаться. Вернее, не собиралась.

Парни в ближайшие годы мне совсем не нужны.

Уж простите за такую пропаганду.

Я давно так решила.

Вернувшись домой, оставляю Жучку под охраной автомобильной сигнализации и направляюсь в свою комнату. Кормлю рыбок, скидываю куртку, теплый джемпер и джинсы, потом долго стою перед зеркалом в трусах и коротком топе.

Губы страшно горят.

Сердце все еще колотится, как на коллоквиуме.

Я кладу ладонь на узкую талию и очерчиваю указательным пальцем крохотный пупок. Затем медленно веду ниже, к ажурной резинке трусов.

Это обычные белые хлопковые слипы, но с принтом... из книжек.

Да-да. Не нужно перечитывать еще раз, чтобы удостовериться.

У меня есть трусы с книжками.

Владка в шутку подарила целый набор на первое сентября.

Не знаю уж, где она их отрыла (ссылку точно не ждите), но мне зашло.

Тем более узкое неудобное белье я не люблю.

Будь оно хоть трижды соблазнительное.

Снова разглядев явный природный диссонанс — чуть более округлая попа, чем того требуют стандарты красоты, — даже не расстраиваюсь. Лет в пятнадцать пробовала худеть, переживала. Потом отпустило. Тем более что это особенность такая. Диетами ее не исправить.

Забыв об идиотском поступке Ярослава, надеваю ярко-желтую футболку и джинсовый комбинезон с широкими штанинами.

Долго ищу резинку для волос. На заставленной учебниками полочке над кроватью, на кровати и даже под ней. Нахожу конспекты по социологии, которые потеряла с утра. Потом оставляю бесполезные поиски, закрепляю пушистые волосы на затылке обычным простым карандашом и спускаюсь к ужину.

— Добрый вечер! — здороваюсь с горничной и Борисом Сергеевичем.

Он приветливо мне улыбается и кивает на стул рядом с собой.

— Садись, Александра. Надо кое-что тебе сказать... Сейчас счет оплачу и пообщаемся.

Пока поужинай.

Его большой палец скользит по экрану мобильного телефона.

— Спасибо. — Тоже доброжелательно на него смотрю.

Родом я из прекрасного маленького городка Солнечногорска.

С трех лет, после трагедии, случившейся с моими родителями, жила с дядей и тетей. Они ветеринары. Мои любимые светлые люди большой души и равнодушные профессионалы. Когда мне исполнилось четырнадцать, дядя серьезно заболел, оказался обездвижен, а тетя пыталась вытянуть нас всех при абсолютном неумении вести бизнес.

О том, чтобы дать мне высшее образование, речи даже не шло.

А потом появился мой спаситель — Борис Сергеевич Загорский. У него только-только после продолжительной болезни скончалась любимая супруга. Она тоже была родом из нашего «солнечного» городка.

Говорят, мы с Юлией Вадимовной очень похожи. Именно поэтому мой опекун меня и заметил, а уже потом тетя рассказала ему о моих успехах в учебе и спорте. Попросила как-то поспособствовать. Помочь, чем может.

Конечно, ее ожидания он превзошел. И мои тоже.

— Александра. Мне надо будет уехать.

— В командировку? — спрашиваю и отпиваю сок.

— Да. Но на этот раз длиться она будет чуть дольше. Я покупаю месторождение в Средней Азии.

— А где именно? — становится интересно.

— Таджикистан, — отвечает, но не очень охотно.

Я киваю и отвожу глаза.

— Золото или серебро? — вспоминаю из уроков школьной географии.

— Первое, — он одобрительно улыбается. — Но с документами на собственность пока проблематично. Нужно обращаться в Министерство финансов, подавать официальное прошение, это займет много времени и сил. Выезжать с территории страны будет нежелательно...

— Привет, семья! — снова слышу грубоватый, сильный голос и... каменею.

— Явился... — Взгляд Бориса Сергеевича становится цепким и злым.

Тайга падает на стул напротив, хватает со стола графин с соком и жадно пьет.

Я изумленно наблюдаю, как ходит кадык на мощной шее, и провожаю глазами одинокую каплю, стекающую по подбородку. Она превращается в уродливую кляксу на белой футболке, поверх которой надет черный пиджак.

— Фух... Не манго, конечно, но тоже ничего. — Ярослав вытирает губы тыльной стороной ладони и смотрит на меня через стол.

Да что с ним, черт побери, происходит?

И почему именно сегодня?

Я выпрямляю спину и пытаюсь запихнуть в себя остатки ужина.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Борис Сергеевич, недовольно поглядывая на сына.

— Это мой дом.

— Обычно именно я тебе об этом напоминаю.

— Так возрадуйся. Сын исцелился.

— Хорошо бы! Как вы сыграли, Ярослав?

— Нормально...

— Саша, — поворачивается ко мне Борис Сергеевич, — тебе как игра? Ты в первый раз была на хоккее?

— Да, — говорю глухо.

— Да. Как тебе... вообще? Саша... — Ярослав раздражает ухмылкой и тем, как произносит мое имя.

Будто оно бархатное...

— Нормально, — сдавленно отвечаю.

— Нормально? Я чуть легкие на льду не выплюнул. Чуть не сдох...

— Ах, вот это что было? — Поднимаю на него глаза. — А я думала...

Замираю и смотрю, как он одним пальцем вскрывает ярко-желтый тюбик и как бы между прочим смазывает моим бальзамом свои растрескавшиеся губы.

— Что ты думала? — переспрашивает Ярослав, но я уже резко поднимаюсь с места. Так, что стул валится на пол и на помощь приходит горничная.

— Извините, — обращаюсь исключительно к хозяину дома. — Я неважно себя чувствую. Можно я пойду?

— Конечно, Саша. — Борис Сергеевич быстро посматривает на часы и недовольно — на своего сына. — Побольше отдыхай.

— Спасибо... — Поскорее сбегая.

По лестнице несусь как сумасшедшая.

Только в комнате стараюсь как следует отдышаться и с подозрением пялюсь на комод. Очень странно. Когда я уходила на ужин, верхний ящик был наглухо закрыт. Отодрав себя от двери, медленно-медленно заглядываю внутрь.

Там лежит около сотни ярко-желтых тюбиков с бальзамом для губ.

Точь-в-точь таких, как я отдала Ярославу на льду.

И пять свежих манго...

— Блин... — закатываю глаза.

Тайга здесь был.

В моей комнате.

Без разрешения.

Совсем один.

И рылся в моем комоде...

— Блин... — повторяюсь.

Какой же он... мм... *мангонутый!*

Глава 4. Трущобы души

— Тайга спер все твои трусы? — Владка орет на весь холл первого этажа.

Студенты смотрят на нас с интересом. Кто-то посмеивается. Я бросаю на эту ненормальную испепеляюще-строгий взгляд и прохожу мимо.

Она догоняет.

Расшаркивается в извинениях.

— Ладно. Не злись, Санечка! — Владка подхватывает меня под руку и намеренно замедляет шаг. — Они... они хоть чистые были?

— Ты дура? Скажи мне.

— Может, он извращенец...

Владка хихикает.

Как дура, простите...

А Ярослав точно извращенец. Мне ведь даже с утра в универ пойти не в чем было. Хорошо, что на сушилку в ванной мозга этого драчуна не хватило.

Я останавливаюсь у лестницы, возле зеркала.

Осматриваю свои светлые ботинки на грубой подошве, голубые облегающие джинсы и мой любимый белый удлиненный свитер из тонкой пряжи, поверх которого висит изящная сверкающая цепочка с кулончиком.

Волосы я прибрать не успела, поэтому они торчат в разные стороны как упругие антенки.

Губы сияют от блеска со вкусом клубники.

Это в качестве протеста.

— Постой, это эти, что ли... с книжками? — Владка продолжает допытываться.

— Да. И эти тоже... — Ловлю второй рукой лямку от рюкзака. — Кстати, где ты их купила? Хочу снова заказать... Удобные очень, и ткань к телу приятная.

Вы же тоже этого ждали?

Сознавайтесь!

Вместо того чтобы, как обычно, пообещать отправить ссылку в «Макс», Дорофеева странно ведет плечами, нервно улыбается и тут же меняет тему разговора:

— Пошли скорее, Санечка, макроэкономика начинается.

Ты посмотри.

Порядочная какая.

Обычно после звонка в аудиторию не затащишь, а сейчас прямо Эльвира Набиуллина в укороченном лонгсливе. На макроэкономику опаздывает.

— Стоять. — Дергаю ее за руку и шиплю: — Где ты купила эти чертовы трусы?

Разглядываю симпатичное кругловатое лицо и иссиня-черные волосы, собранные в хвост.

Мимо нас проходят наши же второкурсники, кто-то здоровается, кто-то просто кивает. Есть и молчуны, которые обычно даже не повернутся, но сегодня с интересом на меня пялятся. Уверена, все уже в курсе, что я целовалась с Тайгой.

Загорский, кстати, тоже учится здесь. На последнем курсе. Правда, у него свободное посещение благодаря достижениям в большом спорте.

— Что-то ты темнишь! — прищуриваюсь.

Владка грустнеет враз. Делает шаг назад.

— Блин. Прости...

— Ты меня пугаешь... — Припираю ее к стене. — Где ты их купила?

— В секунде... — с ужасом шепчет она и округляет глаза. — Но они были новые! Клянись. Ты не думай... Это зарубежные поставки. Там ведь бирка была... и упаковка, — испуганно тараторит.

— В секунде? Но что ты там делала? — Окидываю взглядом ее сегодняшний наряд.

Влада опускает глаза. Дома у нее я не была. Только она у меня. Вернее, у Бориса Сергеевича.

Про себя же подруга рассказывала, что живет в одной из красных многоэтажек в центре, которые достроили в прошлом году. Квартиры там стоят баснословных денег, поэтому секонд-хенд здесь никак не вяжется.

— Я-я-я... — откашливается, — в общем, я там себе вещи покупаю...

— Ты? — недоумеваю. — В секунде?

Влада — главная модница на курсе. Одевается как картиночка. Уроки брать можно.

— Да... И, кстати, давно хотела сказать. Живу я в центре, но за теми красными домами, в гетто. Это... в общем, вот...

— Я поняла где. Там пятиэтажки...

— Ну... договаривай давай. — Она смотрит на меня зло. — Обшарпанные, вонючие и без лифта. Трущобы, на которые страшно смотреть.

— Заметь, это не я сказала, а ты! — твердо говорю и отступаю.

Не по себе становится. Мы больше года дружим, а я, оказывается, о Владе Дорофеевой ничего толком и не знаю. Одно вранье.

— Ты теперь со мной дружить перестанешь? — Она всхлипывает жалобно.

— С чего ты это взяла?

— Ну ты ведь такая классная, Сань. Живешь в большом красивом доме. Машина у тебя дорогая. Одеваешься, — оглядывает меня, — неброско, но вещи фирменные. Это ведь сразу видно.

Точно дура...

Дура-дурочка моя невозможная.

Я вздыхаю и, сбросив рюкзак на пол, крепко-крепко ее обнимаю. Влада дрожит как осиновый лист на ветру. Успокаиваю ее, ласково сжимая плечи, смотрю в глаза и спокойно говорю:

— Ты бы знала, как выглядит наш дом в Солнечногорске, Владка!

Делюсь с ней даже не по секрету. Хочет — пусть рассказывает кому угодно. Я своего прошлого не стесняюсь. И будущего тоже, потому что после университета вернусь в свой родной город и буду развивать ветеринарную клинику вместе с тетей.

— Значит, ничего не поменяется?

— Нет, конечно, — устало отвечаю и снова становлюсь строгой, потому что вранье не люблю: — Только больше не обманывай меня никогда. Жить в трущобах — это полбеды. Главное, чтобы в душе их не было. Пойдем скорее на пару...

Глава 5. Кремовый пирог

— Саш, садись со мной! — зовет к себе Милана Леонидова — наша главная звезда и сплетница.

— Прости, я лучше как обычно. — Выдвигаю стул из-под первой парты.

Владка смотрит недовольно, ревнует.

— Не обращай внимания, — шепчу ей, пока Константин Афанасьевич, доцент кафедры экономики, раскрывает портфель и достает оттуда папку с лекциями. — Это она из-за вчерашнего. Скоро про это забудут, и все будет как раньше.

— Поцелуй с Тайгой? Вряд ли об этом быстро забудут.

— Вот увидишь...

— Саша, у тебя какие-то вопросы, касающиеся теории экономического роста? — обращается ко мне преподаватель со всей серьезностью.

— Нет. Простите, пожалуйста. — Затихаю.

Многозначительно округляю глаза и шикаю на Владку. Такого рода замечания я получаю крайне редко. Очень неприятно, тем более что я рассчитываю к концу этого учебного года получить единственную квоту на бесплатное обучение.

Вуз у нас коммерческий. Я планировала поступать в государственный, но Борис Сергеевич настоял, заверив, что сумма обучения для него незначительная. В нашем университете сильный преподавательский состав, половину из которого он знает.

Пришлось, конечно, посомневаться, но потом мне рассказали, что начиная со второго курса самому сильному студенту или студентке обещают перевод на бюджет.

Что это, если не вызов?

Я раскладываю на парте маркеры-выделители и цветные ручки, которыми привыкла записывать заголовки, и включаюсь в работу, с искренним интересом слушая все, что рассказывает Константин Афанасьевич.

Экран телефона, лежащего прямо передо мной на случай, если темп лекции будет таким, что невозможно будет конспектировать и придется включить диктофон, загорается. Я скучающе сдвигаю заставку и... хмурюсь.

«Привет, Саш. Это Ратмир. Поужинаем сегодня?»

Черт.

«Привет. У меня сегодня теннис. Прости».

«Завтра?» — снова вибрирует телефон.

Константин Афанасьевич хмурится.

«Завтра тоже теннис и факультатив».

«Жаль...»

«А мне-то как...»

Честно — ни капельки.

Просто неудобно об этом писать. Я привыкла обходить острые углы.

— Согласно классической теории, рост экономики обусловлен увеличением факторов производства — рабочей силы и капитала. Например, если в стране увеличивается количество рабочих, это может привести к росту производства товаров и услуг... — Преподаватель замолкает и недовольно поглядывает на мой вибрирующий мобильный.

Я незаметно смахиваю заставку и, увидев фотографию пропавших трусов в мужской руке, срочно выключаю экран.

Он... совсем, да?

Когда Константин Афанасьевич отвлекается на интерактивную доску, еще раз смотрю на снимок и изучаю дефолтную аватарку Загорского. В том, что это он, почему-то даже не сомневаюсь.

«Спасибо за доказательство твоей вины», — пишу в ответ.

«Я со вчерашнего дня в сексуальном страхе от этой красоты».

«Дарю. Наслаждайся...»

«Уже не хило кайфанул».

— Дурак... — шепчу и закусываю нижнюю губу.

Не записываю лекцию и даже не включаю диктофон.

Когда такое было?

Общаться с сыном опекуна, наглым Загорским, о веселеньком принте на моих трусах...

Что может быть хуже?

Только если бы я обсуждала это с Константином Афанасьевичем!

«Ладно, не злись, Учебник. За ужином кое-что обсудим».

«За каким еще ужином?»

«А... Забыл... Пока отца не будет, я здесь проживу».

Фыркаю и пыхчу под нос.

Мне теперь постоянно это терпеть? Круглосуточно?

— Золотая! — Меня вновь замечают. — Давай-ка ты выйдешь... и там пообщаешься.

— Я прошу прощения... — Отодвигаю телефон на край парты. — Этого больше не повторится.

— Выйди, Саша!

Владка смотрит на меня сочувствующе, а я, слыша за спиной смешки и шепотки, собираю вещи.

— Простите, — говорю чуть не плача.

— Всего доброго, Саша. Подумайте над своим поведением и приходите на следующую лекцию с конспектом этой.

— До свидания...

«Так что... Не задерживайся там», — прилетает от Тайги уже в коридоре.

«Как скажешь... — отвечаю, чувствуя внутри закипающую злость. — Может, тебе еще что-нибудь приготовить?»

«Ну ты точно Золотая! Дай-ка подумать...»

«Ни в чем себе не отказывай».

«Если только... кремовый пирог».

«Может быть, еще что-то? Ты говори, не стесняйся».

«Хочу видеть тебя в трусах с книжками».

«Погоди...»

«Что ты делаешь?»

«Гуглю признаки реактивной шизофренической реакции. Ты пока скорую вызывай...»

«Ты лучше загугли, что такое кремовый пирог», — пишет Тайга, сдабривая сообщение смайлами, и молниеносно покидает чат.

Красный перец, пироженка и огонь?

Что бы это могло значить?

Дрожащими пальцами набираю в поисковике запрос и добавляю пометку «восемнадцать плюс». Это сто процентов что-нибудь сексуально-озабоченное. Видимо, такое же, как и сам Ярослав Загорский. Лучше бы он и дальше меня не замечал.

Прочитав все по выпавшим ссылкам и даже — о святые небеса! — увидев фотографию, пытаюсь заставить себя дышать после сдавившего грудь жгучего стыда.

Щеки щиплет, будто от огня, а рюкзак спадает с руки на пол.

— Дурак и не лечится... — тихо произношу, поднимая вещи и направляюсь в сторону гардероба.

Глава 6. Жозефина

Досадное чувство позора, оттого что меня выставили с пары, раздражает.

Я привыкла, чтобы все было хорошо. Нормальная картина мира — это когда я получаю пятерки и зачеты автоматами, а преподаватели говорят обо мне исключительно положительно.

Константин Афанасьевич наверняка расскажет на кафедре о случившемся. Значит, мне нужно быть внимательнее и максимально сконцентрироваться на учебе.

Только экономика.

Только финансы.

Никакого хоккея.

— Золотая! — встречает меня Степан Говоров, председатель студсовета. — Тебя Жозефина просила зайти.

— Меня? — пугаюсь.

Заместитель декана по учебной работе Жозефина Павловна редко кого-то вызывает. Студенты именуют ее кабинет эшафотом, поэтому все мои переживания по поводу пары экономической теории тут же улетучиваются и сменяются новыми.

Что могло случиться?

Обхватив лямки рюкзака на плечах, по переходу направляюсь к деканату в главный корпус.

— Можно? — стучусь робко.

— А... Золотая... Заходи-заходи...

Я делаю шаг, прикрываю дверь и быстро осматриваю кабинет. Стопка чьих-то курсовых, журналы успеваемости, фиалки в горшках на окне, в углу — красные туфли на платформе.

— Садись! — строго говорит Жозефина. Ей около пятидесяти пяти, но за счет стройной фигуры и маленького роста выглядит она гораздо моложе.

Я беспомощно опускаюсь на стул и кладу дрожащие руки на колени.

Страшно до ужаса. Давно такого не чувствовала. А что, если меня отчислят? О том, что Константин Афанасьевич просто физически бы не успел пожаловаться на мое поведение, даже не думаю. Логика покинула чат.

— Ну? Рассказывай! И давно это у тебя? — Завуч спускает очки на кончик носа.

— Ч-что?

Она придвигается со строгим выражением лица, смотрит мне в глаза и почти шепотом произносит:

— Роман с Ярославом Загорским...

У меня внутри что-то обрывается, нервы, хоть и щедро сдобрены магнием, который я усердно пью на ночь ради хорошей учебы, рвутся, и я издаю что-то вроде возмущенного вскрика:

— С к-кем?!

— С Тайгой. Самым симпатичным нападающим «Родины». Видела вас вчера после игры...

Я тоже совершаю наглость и придвигаюсь.

Улавливая легкий аромат мускуса и ванили ее сладкого парфюма, зачем-то тоже понижаю голос до шепота:

— Вы... вы что, ходите на хоккей?

— Я его просто обожаю... — красными губами произносит она.

Делает это так тихо, будто у стен есть уши, и с таким восторгом и трепетом, что мне становится дурно.

Куда мир катится?

И Жозефина туда же?

Да что они нашли в этом хоккее и в этом... Ярославле Загорском?

Он же хам, драчун и явный сексуальный фетишист!

— Пожалуйста, договорись, чтобы он расписался на моей футболке. — Достает из-под стола пакет. — Для Жозефины от Тайги! — «Пишет» рукой в воздухе.

— Но почему вы сами не можете? Он ведь здесь часто бывает...

— И показать студентам, что ничто человеческое мне не чуждо? Да и ведь это как Карла Маркса автограф на «Капитале» попросить поставить. Страшно... А вы с ним так близко общаетесь!

Я закатываю глаза, но не разубеждаю. Уж лучше так, чем дать понять, что я целуюсь с каждым первым встречным-поперечным.

— А как вы считаете, много ли Жозефин есть в нашем городе? — вместо этого интересуюсь.

— Ах да... Может... Жози? — смотрит на меня умоляюще.

Я жестко мотаю головой.

— Тогда «для сладкой Зефирки»... — Она хлопает в ладоши, а я мысленно бью себя по лбу.

Мир сошел с ума.

И имя этой эпидемии — кремный пирог!

Фу ты, блин... Тайга, конечно!

Я тоже болею, потому что в довесок к вылетевшей из расписания паре, решаю не ходить на тренировку по теннису. Жизнь больше не кажется такой размеренной, какой была до вчерашнего дня. Есть ощущение, что на спорт ресурса точно не осталось.

Приехав домой, обессиленно падаю на кровать и решаю, что переживу этот день без ужина. Тем более завтра семинар, и надо подготовить доклад.

С Борисом Сергеевичем мы попрощались утром. Он улетел первым рейсом. Сначала в Москву, оттуда в Азию. Я, как натура беспокоящаяся, позвонила ему по пути домой. Перелеты прошли отлично. Все хорошо.

Я принимаю душ.

Нахожу хлопковые пижамные шорты и майку с веселыми бананами, вставляю в уши желтую гарнитуру и, закрепив волосы на макушке простым карандашом, открываю учебник.

Не знаю, сколько я занимаюсь, но, когда достаю наушник, по спине пробегает странный будоражащий холодок.

Обернувшись, вижу на кровати Загорского. Он по пояс раздет.

Вскакиваю со стула и прижимаюсь к столу бедрами.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю строго.

— Ты не пришла на ужин, — говорит он обвиняюще и лениво рассматривает меня с ног до головы.

Я не хочу его разглядывать.

Не хочу...

Не хо-чу.

— Послушай, мне это все не нравится... — Воинственно сжимаю кулаки. — Ты надо мной специально издеваешься.

— Что именно тебе не нравится, Бананчик? — вкрадчиво интересуется Ярослав.

Я, будто бы защищаясь, складываю руки на груди. У него даже глаза наглые. Может, и через одежду смотреть умеют?

— Понимаю, что я тебе несимпатична. Возможно, это из-за того, что я напоминаю тебе маму... Но это не повод...

— Что ты сказала? — Меня обдает ледяным холодом.

— Что это не повод...

— До этого? — его голос гремит.

— А... что я напоминаю твою маму. Все говорят, я на нее похожа.

Ярослав резко поднимается с моей кровати, и я залипаю взглядом на выпуклых грудных мышцах и плоском животе, будто из рекламы какого-нибудь фитнес-центра. Спортивные штаны низко посажены на бедрах.

— Пиздят.

— Что?

— Ты на нее вообще непохожа, — говорит он грубо.

— Почему тогда...

— Чтобы через пять минут была в столовой. — Направляется к двери. — Есть разговор.

Глава 7. Связь полушарий

— Что ты сделала? — спрашивает Владка шепотом и закатывает глаза, будто молясь всем богам.

— Я уже все тебе рассказала. — Поправляю жесткий воротничок своей белой рубашки и касаюсь гладкого кулона.

— Просто хочу понять уровень твоего безумства, Золотая. Тайга пришел в твою комнату... голым...

— Обнаженным по пояс, — уточняю для статистически правильных данных.

Дорофеева хватает мою руку, смачно сглатывает и продолжает:

— Он позвал тебя на ужин, а ты закрылась в комнате на ключ, врубила в наушниках «Пошлую Молли» и до поздней ночи готовилась к семинару?

— Ровно так все и было.

— Так. Встань-ка, Сашенька! — Тянет за локоть.

Я, конечно, фыркаю, но поднимаюсь и одергиваю короткую черную юбку. На семинарах я предпочитаю молодежно-деловой стиль. Из первого сегодня бледно-желтые капроновые колготки, а из второго — белый верх, черный низ.

Классические ботинки на низком ходу все это дело уравнивают.

—левой рукой дотронься до носа, а правой — до левого уха, — командует Владка — недоврач-недоекономист. — Теперь резко хлопай в ладоши и меняй руки...

Я как послушная с самого детства девочка машинально выполняю команду, но, вздрогнув от своего же хлопка, резко опускаю руки.

— Так... А зачем это?

— Хочу проверить связь левого и правого полушарий. Что-то мне подсказывает, там образовалась пропасть...

— Сама ты пропасть. — Я падаю на стул и улыбаюсь Анне Сергеевне. — И хватит болтать. Не хватало, чтобы меня еще с этой пары выгнали. — Открываю свой готовенький доклад, распечатанный на десяти листах формата А4 и оформленный в папку-скоросшиватель.

Цвет папки сами отгадаете?

Конечно!

Желтая.

— Ладно-ладно! А на игру-то сегодня идем?

— На какую еще игру?

— На хоккей.

— Ни за что, — мотаю головой и смотрю на доску.

Если вчера я была явно не в учебном ресурсе, то сегодня пребываю в ударе и с пары выхожу со стопроцентным зачетом автоматом. Устало принимаю поздравления однокурсников и отправляюсь в библиотеку.

Ничего так не радуется, как жизнь по плану.

В первом семестре мне осталось получить два зачета и сдать три экзамена. Примерно столько же во втором. Никаких инородных мыслей о чем-то потустороннем. И тогда я могу порадовать Бориса Сергеевича переводом на бюджет.

Конечно, он обязательно скажет: «Саша, зачем ты напрягалась? Я не бедствую и не приножу тебе надрываться. Учеба должна быть в радость», но я буду полностью удовлетворена. Останется еще два года, после которых меня ждет Солнечногорск и наша клиника «Дружок».

Кстати, а ни у кого не возникло вопроса, почему я пошла на экономический, а не поступила на «ветеринарное дело», чтобы более предметно помогать тете?

К сожалению, у меня есть противопоказание.

И нет, я не боюсь крови.

Просто слишком впечатлительная и не могу видеть, как другому больно. Даже если это собака или хомяк-джунгарик. Я сразу расстраиваюсь и плачу.

Поэтому в нашем тандеме с тетей буду отвечать за финансы и маркетинг.

Мы так решили.

Все столы в читальном зале заняты, поэтому под свою личную ответственность (а я в универе человек уважаемый) выпрашиваю у библиотечарши два учебника по все той же «Экономической теории» и нахожу свободную аудиторию.

На два часа полностью погружаюсь в текст, предвосхищая, как удивится Константин Афанасьевич.

Не сразу замечаю, что за мной наблюдают.

— Вот ты где. — Ярослав, привалившись спиной к двери, складывает руки на груди.

Я быстро осматриваю черные джинсы и черную водолазку, облегающую широкие плечи, и... отворачиваюсь.

Вообще, он меня вчера обидел своей грубостью.

Да, я понимаю, что о маме ему вспоминать больно и тяжело, но при чем здесь я?

— Але, Золотая! А ты на мою игру не идешь?

— Не планировала, — напряженно отвечаю, упрямо глядя в учебник.

— Так запланируй. Чтоб была. И без опозданий. На раскатке проверю...

Тайга, по всей видимости, не привык, чтобы ему отказывали. С такой внешностью это вполне объяснимо, вот только я ценю в мужчинах далеко не красоту и внушительный рост, а ум, целомудрие и надежность.

Повернувшись, зло усмехаюсь. Пусть своим фанаткам приказывает.

— Может, мне еще кричать твое имя с трибун?

— С трибун не надо. Найдем место поинтереснее...

— Под окнами психдиспансера? — Смотрю на него снисходительно.

— В моей постели, например.

— Дурак! — Мои щеки вспыхивают, а тело дрожит от стыда.

Опустив глаза, смотрю на разъезжающиеся строчки, но потом вспоминаю об одной «сладкой Зефирке», которая, как соловей лета, ждет на своей футболке от Тайги привета.

— Во сколько там начало? — скушаясь интересуюсь и закрываю тетрадь.

— В семь, — отвечает Ярослав, усмехаясь, когда я выхожу из-за парты и он видит мои колготки.

— А напони... до сколько?

— В лучшем случае до девяти, Бананчик...

— Я уйду после первого тайма...

— Периода...

— Чего?

— В хоккее — периоды, Саша. Ратмир тебе не рассказывал?

— А... да нет... Мы... это не обсуждали.

— Я не такой демократичный. Тебе придется выучить все термины и расстаться с Саге-евым.

— Знаешь что? — Я закидываю рюкзак на плечо, поправляю юбку и направляюсь к нему. Прижимаю учебники к груди.

— Что, Саша? — Тайга пристально на меня смотрит.

Получается сверху вниз, потому что я на две головы его ниже.

Я не низкая.

Это он слишком высокий.

Как фонарный столб!

— Ты можешь левой рукой дотронуться до носа, а правой — до левого уха? — Останавливаюсь рядом с ним. — Потом резко хлопнуть в ладоши и поменять местами руки?

— Это еще зачем?

— Хочу проверить связь левого и правого полушария... Что-то мне подсказывает...

— У меня есть способ получше, — говорит он.

Левой рукой и правда берется за ухо. Только мое. А правой легко подхватывает за талию. И целует.

Этот гад снова меня целует...

Глава 8. Деревяшка

Ярослав

— Яр. Есть разговор. Ты не передумал? — тихо интересуется Дава, затягивая шнурки на коньках.

Застегнув нагрудник, разминаю шею и смотрю прямо перед собой.

С позавчерашнего вечера в груди медленно тлеют угли, на которых хочется поджарить всех подряд. Этому уроду Сагееву я точно не уступлю.

— Тайга! Ну?

— Я похож на человека, который каждые два часа меняет свои решения? — холодно спрашиваю.

Кавказ осматривает меня с ног до головы, стискивает челюсти и отворачивается.

— Ты похож на конченого мудака, Загорский!

— Лучшего комплимента я сегодня уже не услышу! — философски отбиваю и затягиваю хоккейные шорты на бедрах.

— Миха бы тебе то же самое сказал, — подтверждает Алтай.

— Миха на реабилитации, а от тебя я вообще не ожидал, — ворчу недовольно. — Ты с кем только не встречался...

— Женщины — это моя миссия. Ты всегда был другим, брат.

— В смысле? — улавливаю тупой, гадкий подтекст. — Да пошел ты!

Вне игры поясню про эти прозвища, которые могут показаться вам долбанутыми, как и все мы.

С лет... кажется, с пяти... главное место в моей жизни занимает хоккей. Я реально не вспомню ни лиц одноклассников или учителей, ни тем более имени девчонки, с которой распечатал функцию французских поцелуев, а вот первый тренер и первая забитая шайба — это навсегда. Это в сердце.

Тренер у нас, кстати, опытный. Тот, кто понимает, что, помимо техники, в игре важна команда. Звено. Дружеское плечо.

На одном из мероприятий он спросил: в каком месте нашей необъятной России мы бы хотели побывать. Я назвал тайгу, потому что моя мама родом из небольшого сибирского городка.

Мой лучший друг Миха Авдеев — холодную Арктику.

Дава — родину отца: горный Кавказ.

А наш вратарь — необъятный Алтай.

Это к нам навсегда привязалось...

Тайга, Арктика, Кавказ и Алтай...

Такие разные, но всегда в одной команде.

— Погнали уже! — зовет Дава.

— Догоню!

Оставив на сиденье телефон с включенной камерой так, чтобы в обзор попадала бережно замотанная хоккейной лентой клюшка, хватаю краги и иду на раскатку.

Лед встречает холодом в лицо и знакомым хрустом под лезвиями. Кинув взгляд на трибуны, делаю первые круги, чувствуя, как коньки врезаются в лед.

Поворачиваюсь, резко торможу, снег летит веером из-под ног.

Так-с...

Сектор А, В, С, D.

Везде пусто.

Ни копны светлых кудрявых волос. Ни скромных желтых колготок. Ни заумного, редко улыбающегося лица.

К слову, клоуна Сагеева тоже нет.

Клацнув зубами, ухожу на следующий круг раскатки с целью разбудить мышцы, выровнять дыхание и освободить голову, забитую с позавчерашнего дня совсем не хоккеем, а... Деревяшкой.

Прозвал я Золотую так давно: сразу понял, что пустая она. Симпатичная, но пустая. Кроме учебы и выгоды — ничего не интересует.

— Куда разогнался, зеленый? — мимо пролетает и разворачивается Сергей Афанасьев — самый опытный игрок команды. Ему тридцать восемь, и у него за плечами победа на олимпиаде, три чемпионата мира и работа в НХЛ.

Я приветственноставляю руку. Отбиваю.

— Сергей Валентинович, привет. — Снова окидываю взглядом трибуны и подлетаю к борту, чтобы загасить злость холодной водой из бутылки.

Нет здесь Деревяшки.

Хрен забила.

Ни поцелуй на нее мои не действуют, ни угрозы, ни давление.

Даже обидно, блядь.

Продолжаю раскатку, настраиваясь на игру. Хотя и несложную, потому что соперник слабый, но, как говорит наш Болотов, неважных игр не бывает.

Слежу, как скользит конек в повороте, как работает спина, ноги. Пара ускорений по прямой — и в голених тлеет легкий огонь. Пара разворотов на полной скорости — и сбивается дыхание. Значит, организм включился. Затем с помощью растяжки убираю зажатость в теле.

В раздевалку все уходят вразнобой.

Я намеренно задерживаюсь до последнего. Кружу по нашей половине льда уже бесцельно, еще раз окидываю взглядом каждый сектор и, яростно сплюнув, иду по коридорам со снятой оранжевой каской.

В раздевалке шумно.

— Пиздец! — Смотрю на телефон, валяющийся на коврике.

Слышатся легкие, ебанутые смешки.

Лента на клюшке, как и перед каждой игрой в последние два месяца, изрезана.

— Вот суки, — усмехаюсь и принимаюсь скорее исправлять.

— Давай-давай, Ярослав, — по-доброму ржет Афанасьев.

— Узнаю, кто шуткует, — все здесь охренеете.

— Сам не охреней, зеленый, — слышится сзади.

Это взрослые мужики во мне так характер вырабатывают и послушание после пары эпизодов на льду в начале сезона. Не понравилась наглость и отсутствие командного духа.

Скажу по секрету: когда пришел во взрослый состав, было не совсем комфортно.

Михе еще в сентябре сделали операцию на коленном суставе, да и скоро у них с Анькой родится сын. Он спокойно чилит на реабилитации.

Даву и Алтая еще не подтянули из молодежки.

Оказаться одному в чужой команде, которая при этом вроде как своя (тоже ведь «Родина»), было странно, поэтому я и старался играть на льду в одного.

— Выходим, — командует второй тренер.

Я ускоряюсь, но все равно выбегаю из раздевалки последним.

— Станислав Николаевич, добрый, — приветствую, заправляя под нательное белье цепочку с кулоном, который по традиции поцеловал.

— А... Загорский... ты у нас вроде самый молодой, а на игру выходишь последним, как охреневший от славы легионер.

— Прошу прощения, — стискиваю зубы.

Вот найду шутника — реально пиздец ему.

Стоя на синей линии во время гимна, смотрю вперед. По ощущениям — нет на арене Золотой. Я бы точно почувствовал.

Первая смена. Прыгаю через борт и сразу в игру. Лед уже не холодный, он живой. Принимаю решения за долю секунды, как и в жизни давно привык делать сам: отдать, бросить, вести шайбу до ворот.

Соперник врзается.

Лед.

Отталкиваюсь от него.

Подъем.

Морщусь.

Боль есть, но она где-то далеко, под адреналином и... другой болью, которая никак не проходит несколько лет.

Игра выходит — бред сивой кобылы. Будь соперник поактивнее, раскатал бы нас, как снегоуборочная машина.

Разбор полетов остается до завтра. Переодевшись, прощаюсь со всеми и иду к тачке.

На гостевой парковке даже намек нет на коричневого «Жука».

Зато у крыльца Ледовой арены вижу знакомую девчонку. Резко жму на тормоз и возвращаюсь задним ходом.

— Привет, — говорю, осматривая круглолицую брюнетку через приоткрытое окно.

— Привет, — отвечает она с опаской.

Глаза по пять рублей.

Честно говоря, я рассчитывал, что у ее Золотой подружки будут такие же, а от поцелуя она станет готова прислуживать мне до конца жизни. Ошибся.

— Тебя как зовут?

— Влада.

— Ярослав.

— Я знаю, — шепчет она с восторгом, и я хладнокровно улыбаюсь.

План вырисовывается сам собой.

Единственное, что я понял о своей Деревяшке: Саша любит побеждать.

Побеждать во всем. Так же как и я.

— Прокатимся, Влада? — Тянусь через сиденье, чтобы открыть ей дверь.

— Со мной? Я не против, — с радостью отвечает она и прыгает на подножку моего «Танка».

Глава 9. Герасим

— Вау! Я здесь еще не была. — Влада рассматривает просторное помещение новомодного ресторана в мраморно-золотом стиле и прижимает к себе кожаную сумку, по форме напоминающую круассан.

Убираю руки в задние карманы джинсов и кивком указываю ей в центр зала. Галантный как черт.

— Конечно, не была. Он только на прошлой неделе открылся.

— Да нет. Не поэтому. — Она отпускает смущенный смешок и еще раз озирается, будто ей неуютно.

— А почему?

— Здесь ведь чашка кофе стоит дороже, чем моя тушь для ресниц и помада вместе взятые.

Я мысленно закатываю глаза и молю бога о пощаде.

Серьезно, лучше уж три «сухих» тренировки подряд, чем вот это все. Терпеть не могу болтать с девицами. Темы на уровне помад и колготок мне претят. Подружка Золотой, видимо, как и она сама, ничего особенного из себя не представляет.

— Красиво здесь. У них какая-то спортивная концепция? — Пялится на скульптуру на гипсовой подставке.

— Это «Дискобол». Муляж.

— Чего?

— Греческая статуя. Скульптор Мирон из Елевфер, — щелкаю пальцами перед лицом, поражаясь глупости, — ю ноу, андестенд?

— Не-а. — Влада мотает головой и смотрит на меня широко раскрытыми глазами, как на кумира. Может, у нее поэтому из башки все вылетело?

Лады. Я же не ловец мозгов. Мне похуй.

— У тебя... у вас, — исправляюсь согласно своей задаче и откидываюсь на спинку удобного кресла, чувствуя в мышцах усталость после игры, — вообще, как... есть какие-то интересы?

— Конечно. Хоккей... Я просто обожаю, как ты играешь... А это правда, что тебя звали в НХЛ, а ты отказался?

— Правда, — морщусь.

— Ты остался из-за «Родины»?

— Ага. Из-за нее, родимой...

Это официальная версия.

Мама была плоха. Уехать и оставить ее — я не мог, хотя она умоляла, чтобы я это сделал. Не хотела, чтобы я видел... то, что в итоге видел.

Но я ни о чем не жалею.

У меня все впереди.

Только закончу здесь все дела... И сразу уеду, если позовут.

Должны позвать... Я стараюсь.

— Ты заказывай что хочешь, — хмуро киваю на меню.

— Я буду милкшейк «Орео-карамель», — бойко говорит официантке Влада. — А ты что будешь?

— Ничего.

— Хм... Ясно. — Она с подозрением на меня смотрит.

Приходится заказать стейк с картофелем, слушать пустую болтовню, а потом, когда блюда приносят, давиться.

— А подружка твоя хоккей, стало быть, не любит? — снова забрасываю удочку.

— Саша? — Она простодушно смеется. — Вообще нет. Хотя... у нее же сейчас парень хоккеист. Втянется.

Я ожесточенно режу мясо, представляя рожу Сагеева и, проткнув ее вилкой, безразлично жую.

— Всегда были интересны люди, которые не любят хоккей...

— Да у Сани много дел и без хоккея, — продолжать выдавать информацию Влада и тянет в себя коктейль.

— И какие же?

Кроме поклонения богу Желтого, черт ее дери.

— Она ведь теннисом занимается. Можно сказать, уже профессионально. Тренер ее хвалит очень. И потом все ее время занимает учеба.

— Да ладно?

— Да. У Саши есть мечта — перейти на бюджет.

— А так можно?

— Конечно. Ты просто редко в университете появляешься. Каждый год выделяют место, на которое переводят лучшего студента. Все думали, у Саши в прошлом году получится, но не вышло. Она в этом надеется. Пишет разные научные статьи, участвует везде, где можно...

— Похвально.

Надоело тратить бабки моего отца, значит?

— Она животных любит, добрая очень. У ее тети в Солнечногорске что-то вроде ветклиники. Саша вообще хорошая. Особенная. — Вдруг дуется на меня. — Ты ее не обижай...

— Я? — с ангельским видом переспрашиваю и отодвигаю тарелку.

— Ты ведь ее поцеловал на прошлой игре. Все видели.

— А-а-а... Что-то припоминаю. Так случайно вышло. Обознался... — Улыбаюсь и оставляю на столе оранжевую купюру.

— Обознался? — Влада округляет глаза.

— Ага. Допила? — Теряю к ней всякий интерес.

— Допила, — разочарованно вздыхает.

Подъехав к дому, с должным удовлетворением разглядываю «Жука». Ключ от него на тумбочке при входе, поэтому приходится сделать над собой усилие и не заснуть раньше времени.

А потом съездить в еще одно место...

Забросив мятный «Ментос» в рот, смотрю на парадный вход и отвожу взгляд ровно в тот момент, когда из дома выходит девчонка в желтом пальто.

Краем глаза замечаю, что она на меня не смотрит.

Садится в машину и пытается ее завести.

Раз, другой — что-то не получается.

Как же так?

Выйдя из «Жука», смотрит на него растеряннo, а я изучаю торчащие в разные стороны волосы. Надо же быть такой кудрявой! Прямо как мама... Черт.

Прикусив язык, скучаяще барабаню по рулю пальцами, пока не слышу стук в окно, за которым следует поворот головы и мое противозачаточное ебало, что бояться даже стокилограммовые мужики в коньках.

Деревяшка же смелая. Жестом требует опустить стекло.

— Слушаю. — Поправляю солнцезащитные очки.

— У меня машина... не заводится.

— Спасибо, что сообщила, а теперь отойди. Я в универ опаздываю.

— Я, вообще-то, тоже. — Она так нервничает, что на бархатных щечках проступает розовый румянец, а светло-серые раскосые глаза еще больше блестят. — Может, вместе поедem?

— Это ты так просишь, чтобы я тебя подкинул? — усмехаюсь.

— Хорошо. — Аккуратно облизывает губы. Видимо, для смелости. — Ярослав, не будешь ли ты так любезен...

— Садись, — тянусь к ручке на двери.

— Спасибо.

Продолжаю за ней наблюдать, ощущая легкий привкус манго и клубники одновременно.

Саша опускает пятую точку на сиденье и тянется к ремню безопасности, а когда щелкает им, застывает в полуобороте.

— Это кто? — меняется в лице и оборачивается.

— Щенки, — говорю безразлично и выезжаю со двора, закрывая металлические ворота с пульта.

— Но откуда они здесь?

— Нашел.

— Нашел? — смотрит на меня недоверчиво.

Как на Герасима, блядь.

Хорошенько искусав губы, набирается смелости и спрашивает:

— Их три. Какие миленькие...

Тянется к ним, задевая мое плечо.

— Прости. Что ты будешь с ними делать? — спрашивает, добродушно разглядывая мое лицо.

Я тоже разглядываю. Волосы ее эти непослушные, подбородок острый, тонкую шею, на которой висит золотая цепочка.

— Пристрою, если получится.

Деревяшка смешно взвизгивает и смеется.

Видимо, оттого, что щенки лижут ее пальцы.

— А если не получится пристроить? Оставишь себе?

— Нет, — отвечаю жестко и увеличиваю скорость. — Просто... усыплю.

Глава 10. Повелитель температуры

Саша

Усыпит?

Я смотрю на этого... ненормального и чувствую, как внутри поднимается огромная волна, которая вот-вот смоем все живое. Волна злобы к нему.

Вообще, я редко злюсь.

Только когда что-то не получается в учебе или на тренировке.

На близких и друзей не злюсь никогда.

Но Ярослав — он ведь как взбесившийся теннисный мяч. Абсолютно неконтролируемый огненный смерч, который несется тебе в голову и сбивает с ног.

— Что значит «усыплю»? — с ужасом переспрашиваю, успокаивающе поглаживая шерстку одного из щенят.

Улыбка спадает с моего лица.

Загорский бросает на меня короткий, жесткий взгляд и, склонив голову набок, снова смотрит на дорогу.

В машине неожиданно становится холодно. Меня знобит. Довольно странно, что температура воздуха меняется от настроения. У меня такое впервые.

— То и значит. Не собираюсь я с ними долго возиться, у меня тренировки и подготовка к матчам. Да и зачем им мучиться? Они бы все равно сдохли там, где я их нашел.

— Это очень жестоко, Ярослав!

— Это взрослая жизнь, Александра.

— Ужасная жизнь.

— Ты привыкнешь.

Его высокие скулы сегодня выглядят будто бы отчетливее. Наверное, всему виной воротник черной водолазки из тонкой шерсти и грубоватый стиль кожаной косухи, которые подчеркивают черты лица Загорского, делая его еще жестче.

Чтобы сильно не увлекаться опасной мужской красотой, забираю коробку к себе на колени и разглядываю классных пушистиков.

— Самое удивительное — они все разные, — с легкой задумчивой улыбкой говорю.

— Что здесь удивительного? — Яр хмурится и останавливается на перекрестке.

— Пока не знаю...

И дело не в расцветках, а в породах. Они такие разные. Может быть, конечно, их выбросила нерадивая заводчица, как брак с пометов. Вот этот — серенький, лопоухий, кажется, с неправильным прикусом. Странная нижняя челюсть.

Светленький странно сонливый.

А у рыжего нестандартная пятнистая окраска для лабрадора. Те, кто покупают собаку как трофей или дань постоянно меняющейся моде, любят, чтобы все было идеально...

— Вот этот, пестрый, мне больше всех нравится. А тебе? — осторожно спрашиваю.

— Я их не разглядывал.

Вдруг меня осеняет.

А может быть, у кого-то из этих песиков вообще проблемы со здоровьем? Например, порок сердца? Или у всех? И их поэтому выкинули?

Я вдруг четко представляю операционную в клинике и как какой-нибудь ветеринар, особо любящий деньги, усыпляет этих ничейных малышей. Они такие маленькие, такие доверчивые к этому миру, такие... трогательные.

Сама не замечаю, как по щекам начинают катиться слезы.

Картинка убийства ни в чем неповинных щенков накрывает меня тихой, безголосой истерикой.

Я бы в жизни не дала повода Загорскому посмотреть на меня такую — заплаканную и незащищенную, но всему виной моя особенность: сострадание к чужой боли и отсутствие терпимости к несправедливости.

Всхлипываю слишком громко.

— Еще немного — и поплывем... — сообщает гад тоном телевизионного диктора.

— Пожалуйста, не усыпляй их, — обращаюсь к нему и, вытянув ладонь, сжимаю твердый локоть. — Яр...

— Что? — Убирает руку и поигрывает нижней челюстью, будто я сильно его раздражаю.

— Не надо их усыплять. Я тебя прошу.

— Мне они не нужны.

— Давай... я сама найду им дом.

— Вот еще.

— Я справлюсь, правда. У моей тети ветеринарная клиника в Солнечногорске, и раньше я часто занималась пристройством бездомных животных. У меня есть опыт.

— Нет, Саша, — как отрезает.

Ведет себя настолько отстраненно, что меня неожиданно это задевает.

За что он со мной так?

Потому что не пошла на хоккей?

Но я правда не могла, у меня у самой была тренировка. Уже весной состоится турнир среди девушек в рамках Универсиады. Я очень хочу минимум участвовать, максимум — победить. Это ведь тоже повлияет на решение Ученого совета по моему переводу на бюджет.

— Но... почему ты не хочешь, чтобы я занялась пристройством?

— Я тебе не доверяю.

— Ты... что? — хмурюсь и снова страшно на него злюсь.

Он мне не доверяет?

Мне?

Да более исполнительного человека в мире просто не существует.

— Ты уже слышала, — отвечает Загорский и почесывает подбородок пальцами. — Не обижайся, но я не уверен, что ты найдешь для них достойных хозяев.

— То есть им лучше умереть? — уточняю.

— Да, Саша. Иногда лучше сдохнуть, чем оказаться не в тех руках.

— Ну хочешь... мы можем вместе...

Он смотрит на меня с улыбкой. Да-да... жестких губ касается улыбка, и в салоне становится чуть теплее. Она, конечно, не широкая, но и не самодовольная. Скорее, удивленная.

— Что «мы вместе»?

— Найдем для них подходящих хозяев. Чтобы ты удостоверился, что я дееспособная, — не скрываю свой сарказм.

— И как мы это сделаем?

— Для начала нужно обследовать этих малышей. Проверить, нет ли у них пороков развития или иных особенностей. Для нового хозяина это может быть важно. Потом их надо покормить. Корм лучше купить специальный, в ветеринарной клинике. И устроить куда-нибудь на время, — с энтузиазмом берусь за дело.

— Хорошо. Давай попробуем, — деловым тоном говорит Загорский, а его глаза не отражают ни одной эмоции. Теперь в салоне поднимается ветер, который ударяет мне в лицо. — Я дождусь тебя после пар. У тебя их сколько?

— Четыре, но после пар не получится. У меня тренировка.

— Ты ведь без машины. Я отвезу тебя на теннис, а потом поедем...

— Пусть будет так, — с неохотой соглашаюсь и, попрощавшись с каждым, убираю щенков назад.

— Отлично. Тогда я жду тебя в машине.

Мы останавливаемся перед входом в университет, и я поскорее выскальзываю на улицу. Ничего не понимая, смотрю вслед джипу болотного цвета, удаляющемуся к стоянке.

Еще вчера Ярослав целовал меня в аудитории, за что получил по лицу, а сегодня ведет себя так, будто это был не он. Я ждала чего угодно — шуточек, приставаний или подколов, но не того, что он будет мне не доверять.

— Пусть будет так, повелитель температуры! — шепчу я под нос и бегу в здание.

На пары. Учиться.

Глава 11. Черный день

— Ты еще здесь? — излишне равнодушно спрашиваю и забираюсь в машину.

— А ты не надеялась?

— От тебя можно ожидать чего угодно... — ворчу под нос.

Ярослав отвлекается от экрана телефона и препарирует мое лицо острым взглядом.

Нервно облизываю губы, ощущая во рту привычную липкость от бальзама, а в носу — легкий аромат манго, и украдкой смотрю на развалившегося в водительском кресле Тайгу. Его ноги широко расставлены, корпус чуть съехал на край сиденья, а затылок упирается в подголовник.

Сердце непривычно сдавливает.

Не понимаю, что со мной происходит.

Я же не Владка, которая мне сегодня про Загорского все уши прожужжала.

Оказывается, он вчера обратил внимание и на нее тоже. На льду, слава богу, не целовал, но пригласил на свидание в новый модный ресторан, расспрашивал о личной жизни и вел себя предельно вежливо.

Да уж...

Об учебе я от такой информации думать перестала.

Пожалуй, отмечу этот день черным в календаре, ведь я не записала ни одной лекции.

Ни словечка.

Не понимаю, почему я чувствую эту жгучую обиду внутри?

Откуда она взялась?

— Едем? — Ярослав активно разминает мышцы шеи и потягивается.

Пугаюсь, когда теплые пальцы, коснувшись горячей щеки, зажимают кудрявую прядь и вытягивают ее, будто утюжком. Отвожу лицо.

Кудри отпружинивают обратно.

— У тебя влажные волосы? И золотые...

— Я приняла душ после тренировки.

— Ну пиздец... А воспаление легких для тебя шутка какая-то? А? Учебник?

— Меня зовут Саша! — Я все же смотрю на него. С вызовом вместо обиды. И злостью.

— Неужели это так трудно запомнить? Или тебе шайба в голову в детстве прилетела?

— Да какая разница?

Я ведь уже говорила, что злость мне несвойственна?

Это все хоккеист виноват...

Мужественные губы растягиваются в обворожительной улыбке.

— Бесить тебя мне нравится гораздо больше.

— Это я и так поняла. — Оглядываюсь на щенков.

Они сладко спят в своей коробке.

Снова обращаю внимание на шумно дышащего Рыжика...

Ну до чего хорошенький! Бывает ведь такое чудо!

Есть вообще подозрение, что это не собака, а плюшевый медведь на неуклюжих лапах.

Кстати, они такие большие, словно он одолжил их у собаки постарше.

Улыбнувшись, отворачиваюсь к окну.

По правде говоря, волосы надо было высушить феном, но что-то меня подгоняло. Какая-то невидимая энергия. Что-то свыше. Не знаю, как это объяснить. Но хуже, чем сегодня, я себя никогда не чувствовала.

Мы приезжаем в ветеринарную клинику. Вернее, поликлинику. По-другому я назвать это трехэтажное здание с современным ремонтом не могу.

И да. Мы странно выглядим вместе. Яр выше меня раза в полтора и шире в два. По ощущениям — будто великан вывел прогулять свой завтрак перед трапезой.

— Предлагаю разделить расходы пополам. Так будет честно. — Бросаю на Ярослава спокойный взгляд, пока он открывает нам с малышами нескончаемые стеклянные двери.

— У тебя много денег? — Почему-то на мое предложение он злится и громко хлопает последней дверью.

Я пытаюсь разгадать эмоции Загорского, уловить взаимосвязь, но из-за обиды не получается. Что ему до моих финансов?

— Эй... Буйный... У меня есть пенсия, которую выплачивают как сироте. И я неплохо получаю, если побеждаю в соревнованиях... — отвечаю скромно.

— Хорош, Саш, — говорит уже не так грубо и снимает куртку. — Ты хоть представляешь, какие здесь цены?

Я еще раз осматриваю светлый холл с мягкими диванами цвета моего пальто.

— Приемлемые? — вскидываю брови.

Скептический взгляд буравит мое лицо, смещается в сторону и возвращается ко мне уже задорным. Что-то в нашем разговоре Загорского веселит.

— Это тебе не Светлогорск, Саша.

— Солнечногорск, — сквозь зубы поправляю.

— Да какая разница?

Я ставлю коробку со щенками на стол и стягиваю пальто.

После долгого оформления договора на оказание услуг, который я из чисто профессионального интереса подробно читаю, нас провожают в кабинет, где уже дожидается врач.

Артем Николаевич — приятной наружности мужчина лет тридцати. И судя по тому, как он тут же включается в наших малышей, очень любит свою работу.

Щенков взвешивают, измеряют и подробно описывают все особенности, постоянно задавая вопросы. Мы в пятый раз хором повторяем, что ничего о них не знаем и будем готовить для передачи в семьи.

После первичного осмотра врач вежливо предлагает оставить их до завтрашнего утра, чтобы взять все необходимые анализы и провести полное обследование. Правда, останавливает особое внимание на моем любимчике.

При холодном свете темно-карие глаза Рыжика кажутся слишком увлажненными, а взгляд — пустым.

— Не нравится мне, как ты дышишь, малыш, — говорит задумчиво врач и вставляет в уши оливы стетоскопа. — Шум есть... Сделаем ЭхоКГ... — записывает для себя. — Там посмотрим...

Я чувствую легкое беспокойство и испуганно смотрю на Загорского. Он, увидев мою реакцию, ровным голосом интересуется:

— Что это может означать?

— Вероятно, это просто такая его особенность... — Артем Николаевич успокаивает как может. — В любом случае подробнее будет известно завтра. Остальных тоже проверим.

Глава 12. Еще чернее...

На следующий день, когда мы с Ярославом приезжаем в клинику после пар, Артем Николаевич уже не так оптимистично настроен.

Его лицо выражает искреннее сожаление.

— Порок сердца? — переспрашиваю я, обессиленно опускаясь на стул.

— Врожденный порок.

Холодный, острый страх поднимается из живота и встает поперек горла. Порок звучит как конец. Неужели Рыжик умрет?

Вспоминаю, как он трудно и часто дышал в своей коробке. Мне ведь сразу это не понравилось. Ветеринаром я, может, и не стану, но многого наслушалась от тети.

— Но как такое может быть? — в голосе Загорского обеспокоенность, но он остается стоять с неизменным выражением лица.

— К сожалению, мои вчерашние опасения подтвердились. Сейчас малыш на капельнице, а вам я предлагаю назначить прием у нашего кардиолога. Скорее всего, в ближайшие три месяца потребуется серьезная операция. Мой коллега более конкретно расскажет о прогнозе, выживаемости и о том, что необходимо сделать.

— Выживаемости... — Прикрываю рот ладонью и смотрю на Ярослава.

Он выглядит слегка растерянным и будто виноватым. Правда, это ощущение быстро сходит на нет. Увидев мою реакцию, он хмурится и стискивает челюсти так, что я слышу зубовой скрежет.

Артем Николаевич отдает мне лист назначений.

— Со своей стороны я все расписал. Назначил диуретик, чтобы снять нагрузку с сердца, и специальные витамины для поддержания сердечной мышцы.

— Спасибо... — говорю расстроено.

— Уход должен быть постоянным. Щенку около трех месяцев, он будет играть и бегать, не понимая, что смертельно болен. Ваша задача — не допускать изнурительных пробежек и следить за питанием. Спокойные прогулки, бессолевая диета и прием лекарств. Вот на чем стоит сосредоточиться.

— Я все сделаю, — отвечает Загорский, и я чувствую болезненный укол в сердце.

Это его «я» почему-то тоже звучит как порок.

Но что я сделала?

С каждым днем все больше не понимаю Ярослава. Вчера он молча меня отвез и пропал. В доме Бориса Сергеевича не ночевал, а раз с машиной я ничего не решила, пришлось добираться до университета на автобусе.

Ближе к окончанию лекций мне пришло сообщение: «Жду у входа».

— А остальные? Остальные щенки? — вспоминаю я, прежде чем уйти.

Стараюсь не показать своего расстройства.

— Абсолютно здоровы. Мы сделали дегельминтизацию, все анализы в норме. Прекрасные малыши.

— Спасибо, Артем Николаевич!

В регистратуре нас записывают к кардиологу на ближайшую свободную дату. Через три дня. Ярослав оплачивает весьма внушительный счет. От цифры мне немножко плохеет. Для моей пенсии это и правда многовато, поэтому в роли половинщицы больше не выступаю. Помалкиваю тихонечко.

А когда вижу Рыжика, не могу сдержать слез.

Он сразу же меня узнает, весело подпрыгивает хвостиком. Делает это очень смешно — половиной туловища. И мокрым, холодным носом утыкается в ладонь.

Я позволяю влажному языку ее облизать и глажу бархатные теплые уши.

— Ты мой хороший... Как себя чувствуешь? — Склоняюсь и вдыхаю запах мягкой шерсти. — Выглядишь сегодня гораздо лучше.

— Это после капельницы, — говорит приятная девушка в темно-синем медицинском костюме. — Не забывайте про лекарства. Выздоровливай, чемпион.

— Положи его сюда. — Ярослав возвращается с красивой переноской оливкового цвета.

Такая же, как его машина, и чуть светлее, чем его холодные глаза.

— Хорошо, — говорю я, устраивая Рыжика поудобнее. — Он сегодня такой веселый. — Грустно улыбаюсь.

Мы выходим из клиники.

Я застегиваю пуховик до подбородка и борюсь с ощущением, что я лишняя. Посматриваю, как Загорский быстрым шагом идет к припаркованному автомобилю. В одной его руке переноска, в другой — коробка с двумя лающими сорванцами.

— Отвезу тебя домой, Саша! — говорит Ярослав, устраиваясь в водительском кресле.

Называет меня строго по имени и выглядит загруженным и слишком серьезным.

Когда целовал меня на льду, воровал мои трусы и заставлял идти на свой матч, в его глазах читались мальчишеский азарт и ирония, а сейчас — таинственный холод и взрослость.

— Хорошо, Ярослав, — отвечаю под стать: спокойно и вежливо. — Я тогда покормлю всех, а вечером, когда отзанимаюсь, дам лекарства Рыжику.

— Кому? — отвлекается от дороги.

— Рыжику.

Он отворачивается снова и сжимает руль.

— Щенков я заберу.

— Как так заберешь?

— Здоровых — раздам, этого... сам вылечу.

— А я? — дрожащим голосом спрашиваю.

— Что ты?

Отшатываюсь к окну и стискиваю зубы.

Скрежетать ими так же, как и этот жестокосердный человек, я тоже неплохо умею.

Подумаешь — наука!

Меня снова взрывает от Загорского. Ведь он, как зажигалка, способен всего лишь несколькими словами высветить во мне что-то темное и страшное. То, что от всех остальных я прячу за приветливой улыбкой и привычной собранностью.

— Ну уж нет! — Поворачиваюсь и окидываю взглядом невозмутимое лицо.

— Что «нет»? — Он надменно поднимает брови.

— Теперь я тебе Рыжика не отдам. Ясно?

Пока он в своей голове смекает, что и как, продолжаю:

— Ты пару дней назад сказал, что мне не доверяешь. Так вот... я тебе тоже не доверяю, Загорский. Пообещаешь, что вылечишь, а сам выкинешь его на какой-нибудь помойке.

— Я? На помойке? — Он прищуривается.

Злится.

— Ты!

Мы останавливаемся на светофоре, и мой локоть попадает в захват, а Ярослав теперь смотрит мне в лицо.

— Думаешь, что несешь?

— Я думаю.

— Видимо, с переменным успехом.

— Рыжик поедет со мной! — заявляю строго.

— Блядь... — Тайга усмехается и бросает взгляд на лобовое стекло. — Хватит его так называть... Что за деревенская кличка?

— Как хочу, так и называю. Мы теперь оба за него ответственны. Ясно тебе? Поэтому не нужно обращаться со мной как со своей прислугой. Захотел — позвал, захотел — на хрен послал. — Пытаюсь освободить локоть.

— Ты что, Учебник... Ты сквернословить? — мрачно спрашивает.

— А такие, как ты, по-другому не понимают!

— Такие — это какие?

— Шайбонепробиваемые! — по слогам выдаю и слушаю его хохот.

Дурак.

Сзади сигналият, поэтому Яр меня отпускает. Машина трогается с места, но меняет маршрут. Мы зачем-то перестраиваемся на развилку, которая ведет в город, а не в коттеджный поселок.

Спустя полчаса моего воинственного молчания, мы останавливаемся возле ворот того самого красного жилого комплекса, где, по задумке Владки, она должна счастливо жить со своими богатенькими родителями.

— Куда мы приехали?

— Ко мне домой. Отец терпеть не может животных, чтоб ты знала. К нему в дом нельзя.

— Ясно. — Замолкаю.

Никогда об этом не думала, но у Бориса Сергеевича и правда нет домашних питомцев. Может быть, у него аллергия?

— Хочешь ухаживать за щенком — я не против, Саша. Тем более я постоянно уезжаю из города на игры. Но придется навещать его здесь.

— Спасибо, барин. Наши деревенские руки не осквернят ваших городских покоев...

Он снова смеется.

Дурак.

Я уже говорила?

— Обиделась, что ли?

— Вот еще. — На радостях выбираюсь из машины.

— Погоди, — одергивает Ярослав.

— Ну что еще?

— Ты ведь знаешь, что у нас с отцом натянутые отношения?

— Как-то догадалась.

— Ничего и никогда не рассказывай отцу про меня, Саша. Ни про мою квартиру, ни про дела, ни про что другое. Лучше вообще не говори, что мы общаемся.

Черт. Черт. Черт.

Откуда столько сомнений?

— А ты думал, я, как твои фанатки, поставлю на аватарку нашу совместную фотографию? — Раздраженно закатываю глаза.

Ярослав снова становится собой. Наглым хоккеистом и любимцем публики.

— А нет? — Иронично играет широкими темными бровями и опускает взгляд на мои губы, которые я сжимаю.

— Нет, Загорский, — отвечаю равнодушно-серьезно. — Заруби себе на носу: твоя персона меня совершенно не интересует!

Глава 13. Рыжий Ови

— Быстрее рассказывай, Саня... — требует Владка, как только слышит звонок с пары. Нависает надо мной с чупа-чупсом в зубах.

— Что рассказывать? — чопорно спрашиваю и собираю тетрадки.

— Что там у Тайги в квартире интересного? Как он вообще живет?

— Не буду я ничего рассказывать... — Закидываю рюкзак на плечо и прощаюсь с преподавателем: — До свидания, Анна Степановна. Спасибо.

— До завтра, Саша. Ты сегодня умница! Самая настоящая трудяга!

Да-да...

Все слышали?

Я снова Александра Золотая.

Умница и трудяга.

Жизнь наконец-то вошла в правильную колею.

Я все так же усердно учусь, после университета и тренировок спешу в квартиру к Загорскому, чтобы поухаживать за Рыжиком, а когда возвращаюсь домой, успеваю позаниматься.

С Ярославом у нас чисто деловое общение. Он покупает для щенка лекарства, специальный корм и необходимые средства для ухода, я же выступаю в роли сиделки. А еще носилки, чесалки, мячекидалки и мусоропослеигрсобиралки.

Рыжик, несмотря на болезнь, растет веселым псом.

Очень смешным и невероятно теплым.

Он, так же как и его здоровые собратья, все время норовит побегать и повеселиться. Я умиряю его нрав тем, что беру на руки и... приседаю.

Так ему весело, но сердце напрягается не слишком сильно.

Может, это и неправильно?

Да. Я все время сомневаюсь...

Каждый час...

Созваниваюсь с тетей, прошу дать совет, десять раз все перепроверяю, чувствуя себя тревожной мамочкой. Проживаю какую-то другую жизнь. Новую.

И Загорский... незримо всегда рядом.

Да, на самом деле, я заметила: Ярослав не такой, как все привыкли о нем думать.

Когда никто не видит, он чаще хмурится, молчит или уходит в себя. Будто что-то переживает и не хочет, чтобы это почувствовали. Между ним и окружающим миром выстроена высокая прочная стена, преодолеть которую никто и не пытается.

Всем нравится веселый, нагловатый, успешный хоккеист Тайга.

А вглубь? В самые дебри? В топь?

Зачем?

Я тоже туда не лезу...

— Нет, ты мне все расскажешь, — и на улице Владка не унимается.

В день, когда у меня нет тренировок, я подбрасываю ее до красных домов. Так получается быстрее и дешевле, чем на общественном транспорте.

— Блин. Ну что рассказывать? Квартира как квартира... Обычная...

— Это же Тайга. У него не может быть ничего обычного.

— Ты его идеализируешь.

— Ничего я не идеализирую... Больно надо! — дуетесь и с подозрением на меня смотрит.
— А может, вы вообще... встречаетесь?

— Что? — я усмехаюсь от абсурдности этой идеи.

— А хотя вряд ли, — ворчит, тяжело вздыхая.

Это мне тоже не нравится.

Со мной нельзя встречаться?

— Это еще почему «вряд ли»?

— Он ведь мне сказал: целовал тебя только потому, что обознался!

— Обознался?

— Сказал, случайно вышло!

Я проглатываю слова. Все, что у меня есть. Не хочу выдавать степень своей заинтересованности.

— Да ладно тебе, подруга. Это ведь Загорский. Себе на уме...

Возле ворот прощаемся до завтра.

Я заезжаю на территорию по любезно выписанному мне пропуску и паркуюсь. Отыскиваю косточку. Купила целый пакет в зоомагазине и таскаю Рыжику в день по одной, чтобы он не думал, что я жадина.

В чем-то Владка права.

Когда я впервые оказалась в логове Загорского, не поверила своим глазам. Вся отделка в двухуровневой квартире на двадцатом этаже выполнена из дерева. На полу гладкий паркет, на стенах модные панели в цвет межкомнатных дверей.

Все здесь словно оттеняет расставленные в одной части гостиной абстрактные скульптуры на высоких подставках. В прошлом году я была на открытии выставки работ Юлии Загорской и, конечно, сразу узнала стиль этих линий и точность образов.

Вторая же часть — хоккейная.

Специальный настил на полу, металлические ворота и несколько клюшек.

На втором этаже две спальни, но я редко там бываю.

— Привет, мой хороший! — Рыжик нападает на меня у порога.

Я веду его выгуливать. Ключи мне тоже выдали. Здесь не обознались.

Весь оставшийся день меня подгоняет злость. Она такой крепкой занозой проникает под кожу, что, когда Загорский приезжает с тренировки, терпеть уже нет сил.

Я заряжена на все сто.

Судя по напряженным плечам, он тоже.

— Привет! — как-то особенно хмуро здоровается, бросает быстрый взгляд на мой белый свитер с лимонами и отворачивается.

Скинув тяжелую сумку на пол, Ярослав снимает черный пуховик и шапку. Я против воли рассматриваю спортивные брюки и облегающую футболку.

— Привет, — говорю равнодушно. — У тебя что-то случилось?

— У меня? — Обернувшись, сощуривается.

— А... прости. Я забыла. Это же твое обычное выражение лица. — Ухожу на кухню с деловым видом.

Зачем-то цепляю его первой. Хотя у нас и перемирие.

— Это что, наезд? — Тайга дышит мне в затылок.

— Нет. Я наливаю чай. Могу сделать и тебе...

— Ну, сделай... — Садится за барную стойку.

Мой яростный настрой сбивает Рыжик, который начинает играть с кулиской, болтающейся на штанине Загорского.

— Эй, Ови... Ты хулиган! — он называет пса своим прозвищем, гладит шерстку и смеется.

Да. Назвал в честь хоккейных достижений Александра Овечкина.

Умно и небанально.

Правда?

Главное, не так по-деревенски.

Выдыхаю.

И чего я завожусь? Какая разница, что он там сказал Владке?

— Ты с чем будешь? — спрашиваю, расставляя чашки.

— С лимонами, — многозначительно смотрит на мой свитер.

— Очень смешно...

Яр делает глоток горячего чая так, будто его пищевод выполнен из жаропрочных материалов, и делает второй заход:

— С пирогом.

— С пирогом? — я почему-то хрипну и оседаю на стул.

— Ага... С кремовым...

— Я...

Готова проваливаться от стыда. На мне даже лимоны краснеют. Клянусь. Вы когда-нибудь видели красные лимоны?

— Ты совсем, да? — Вскрываю с места. — Пошляк.

— Это я-то пошляк? — Яр усмехается и встает. Открыв холодильник, достает упаковку. — Я, вообще-то, про это... Весь день мечтал дожидаться, когда приду с тренировки. А ты о чем подумала? — Зеленые глаза опасно темнеют.

— Ни о чем.

— Все-таки загулила? — догадывается. — Какая ты извращенка, Учебник!

— Я... ты... — Топаю ногой. — Ду-рак! — И гордо направляюсь в прихожую.

Спешно прощаюсь с Рыжим Ови, как я его теперь иногда называю, и застегиваю зимние сапоги. Дышу шумно и возмущенно.

— Уже уходишь? — Загорский снова вырастает передо мной.

Только теперь без футболки.

Я хлопаю глазами и осматриваю мощные грудные мышцы, уходящие в твердый пресс и низко посаженные брюки.

— Я в душ, — сообщает мне.

— Что?

— Я в душ. Ты со мной?

— У тебя опять приступ? — злюсь. — Надо было тебя тоже проверить на инфекции.

Он смеется и, переступая через две лестничных ступени, уходит наверх.

— Закрой за собой дверь, Пирожок, — кричит оттуда.

Мы переглядываемся с Рыжиком.

— Это что сейчас было? Он меня так троллит? — интересуюсь у шерстяного рефери.

Щенок жалобно скулит.

Интересно...

Это нет или да?

— Ну уж нет! — Резким движением расстегиваю молнию на одном сапоге, а затем и на другом.

Дождавшись звука льющейся воды, как воришка, мелкими шажками и перебежками поднимаюсь на второй этаж и втискиваюсь в приоткрытую дверь.

Осматриваю кровать, застеленную бельем графитового цвета, огромное количество кубков и медалей на стене, фотографию мамы на тумбочке...

Чтобы не отвлекаться, нахожу глазами гардероб. Распахиваю двери, ищу ящик с бельем и полностью его опустошаю.

Белые, черные, серые, синие боксеры. Все уношу с собой.
На обратном пути бегу. Почти падаю на лестнице, теряя украденное.
Собираю и выметаюсь из квартиры.
Сердце стучит как ненормальное, руки холодеют от ужаса, но внутри такой силы восторг
— еле сдерживаюсь. Что я натворила? Зачем?
Вообще-то, он сам виноват.
Сколько можно меня троллить?

Глава 14. Ждуля

Голос Бориса Сергеевича звучит одновременно строго и обеспокоенно. На весь салон автомобиля.

— Александра, у тебя все в порядке?

— Да, — отвечаю почти беспечно. — Конечно, у меня все в порядке.

Я еду домой.

На переднем пассажирском у меня с двадцаток мужских трусов.

У меня все в порядке.

— В полном порядке, — добавляю для пущей уверенности и, как преступник, шмыгаю носом.

— Охрана передала, что ты поздно стала приезжать. Пропадаешь где-то.

— А... это, — руки сильнее сжимают руль, — готовлю научную статью. Для журнала. Приходится задерживаться в библиотеке.

— А какая тема?

— Чего?

— Научной статьи, Саш.

— А-а-а... — Беззвучно хнычу от собственного вранья и снова смотрю на трусы Загорского. — Перспективы развития легкой промышленности в современной экономике.

— Достоинно, — хвалит Борис Сергеевич. — Как выйдет в печать — оставь мне экземпляр. Хочу почитать твою работу.

— Если выйдет, — скромничаю.

— Ну в этом я не сомневаюсь. Ты умница, Александра. Уж в ком в ком, а в тебе я уверен. Твой серьезный подход к делу всегда меня восхищает.

— Спасибо. — Чуть не плачу, а потом, отключив звонок, сосредоточенно собираю награбленное в пакет и прячу его за сиденьем.

Сплю сегодня крайне плохо. Ворочаюсь на постели все время.

Где-то посреди ночи снится Ярослав.

Он все еще в душе, и он... голый. Совсем.

Я прекрасно понимаю, что сплю, но просыпаться или даже переворачиваться на другой бок не спешу. Хочу хотя бы в параллельной реальности дать себе разрешение все разглядеть.

И разглядываю...

Вода слабыми потоками ниспадает на поднятое к потолку мужественное лицо, капли отскакивают от стальных плеч и разбиваются о горячий пар.

В каком-то иступленном забытии осматриваю объемные мышцы на спине, узкий желоб позвоночника и прикрываю глаза ладонями, а, затем разъединив пальцы, смотрю ниже...

На упругие ягодицы и покрытые короткими волосками мускулистые ноги.

Словно услышав мой внутренний позыв, Ярослав разворачивается.

Наши взгляды сталкиваются.

Мой — испуганный, сквозь пальцы. Его — ироничный и нагловатый, но за ним я снова вижу его сердце.

Все думают, оно у Тайги жестокое. Я знаю. И Борис Сергеевич тоже так считает. Он часто называет сына и неблагодарным, и неудачником, и психопатом.

Это все неправда.

Общие хлопоты о ценке показали мне, насколько у Ярослава доброе, отзывчивое сердце. Насколько он... теплый.

Но меня сейчас интересует другое.

Затаив дыхание от стыда, смешанного с каким-то вязким удовольствием, медленно опускаю взгляд, и... вздрагиваю от звука будильника.

— О нет, — хныкаю, разлепляя глаза в этот мир.

Снова зажимаюсь, надеюсь, что картинка вернется, но нет...

Никакого члена.

Только чернота, утро нового дня и разочарование.

День в университете выдается непростым.

Помимо важного семинара и парочки самых нудных на этом курсе лекций, я постоянно жду подвоха. Это как дергать тигра за усы или долго загорать без SPF-крема — знаешь, что все равно свое отхватишь.

Загорский мою выходку просто так не оставит, и я с боязливым предвкушением жду. На льду он тех, кто пытается с ним играть, в буквальном смысле добивает. А как поступит со мной? И зачем я все это начала?

После учебы еду на тренировку, сегодня особенно рьяно бью ракеткой по мячу, оставляя напряжение на корте. Тренер не перестает хвалить, соперницы переговариваются, а я только успеваю вытирать пот со лба.

И — о чудо! — в квартиру Ярослава приезжаю спокойной как удав.

Ну это же детская шутка — воровать друг у друга трусы.

Как в летнем лагере.

Не более того.

— Привет, мой хорошенький, — шепчу, поглаживая Рыжего Ови и разуваясь. — Ты здесь один, да?

Оставляю пальто на вешалке, поправляю прямоугольный вырез желтенького в мелкий цветочек плаття и оглядываюсь.

Кроссовки Ярослава, в которых он обычно ездит на тренировки, на месте. Ключи от «Танка» тоже, хоть автомобиль во дворе не припаркован.

Остановившись посреди гостиной, осторожно зову:

— Яр... Ты здесь?

Ови подпрыгивает, обильно слюнявит мои черные капроновые колготки, а затем уносится наверх.

— Эй, Рыжик. Ты куда? Тебе нельзя так бегать... — Спешу за ним.

Запахавшись, останавливаюсь возле комнаты.

Черт.

Закусив нижнюю губу, толкаю дверь вглубь и делаю шаг в полутемное пространство. Вдоль позвоночника к шее проносится стая мурашек и замирает в затылке.

— Яр... — зову, разглядывая расправленную кровать. — Если ты здесь, скажи. Мне страшно.

Мелкий шажочек. Еще один.

— А-а-а! — Вздрагиваю от резкого движения за спиной и щенячьего визга.

Мурашки хаотично рассыпаются по комнате, как разноцветная мозаика, а тело оказывается мгновенно прижатым к матрасу.

— Привет, Учебник. Звала? — шепчет Загорский зловещим тоном заправского маньяка.

— До смерти меня напугал! — злюсь и бью этого придурка по плечам.

Ладони припечатываются к влажной коже. Видимо, он после душа. Это совершенно неожиданно напоминает о моих ночных фантазиях.

— Замри.

Ярослав еще больше напрягается, и мне приходится потрудиться, чтобы вдохнуть. Хотя бы один раз вдохнуть. Очередная контратака с целью вырваться, заканчивается тем, что колено Загорского оказывается у меня между ног, а моя грудь норовит выбраться наружу, но ему нет до этого дела.

— Ты спиздила мои трусы!

— А ты мои... Хоть представляешь, что значит для девушки остаться без белья?

— А ты? Представляешь, что значит заявиться в раздевалку к тридцати мужикам без трусов?

Я не сдерживаю улыбки.

— Слава богу, у меня оказалась парочка на сушилке, — тихо признаюсь.

— А я до сих пор без них... — хрипит Ярослав, и его лицо медленно приближается к моему.

Я прикрываю глаза, шумно дышу и... жду, когда его губы коснутся моих губ.

Секунда, две, три — ничего не происходит.

Распахиваю веки. Темно-зеленые глаза неотрывно смотрят на мою грудь.

А я?

Ждала поцелуя?

Ждуля?

Серьезно, блин?

— Я все тебе верну! — быстро говорю и робко кладу ладони на горячие от ударов плечи.

— Да, ага... — Острый взгляд оставляет царапину у меня на щеке и одновременно смягчает иронией. — Я у тебя их отыграю... Сам.

Глава 15. Пинг-понг

— Я не буду играть с тобой на трусы, Ярослав, — недовольно фыркаю, ставя пакет и чехол с ракеткой на диван.

Прикладываю ладони к еще горящим щекам.

— Ага... Именно поэтому ты все это притащила из машины... — усмехается он и со щелчком открывает колу.

Рыжик тут же забирается на подлокотник и пытается запрыгнуть на меня.

Подхватив щенка на руки, прислоняюсь щекой к маленькой мордочке. Улыбаюсь. То ли оттого, что собачий нос холодный и влажный, то ли от эффектного зрелища, как Яр опустошает ноль тридцать три за один присест.

Как бы ни старалась, от вздрагивающего мощного кадыка взгляд отвести не могу.

Даже не пытаюсь.

— Пить будешь? — Яр сминает жестяную банку, точным броском отправляет ее в урну и вопросительно приподнимает левую бровь.

— Если можно... — слишком взволнованно отвечаю и деловито складываю руки на груди.

Футболку Загорский так и не надел.

Трусы, по всей видимости, тоже.

Стараюсь не пялиться на спортивные брюки, их пояс так низко, что я могу изучить строение косых мышц. И думаю: что я здесь вообще делаю?

Правильнее было бы дать лекарства больному щенку и поскорее отправиться домой. В мир тетрадей и учебников по экономике, а не твердого пресса и аппетитных мускулов.

Ярослав легким движением выбирает для меня фанту в баре и, пока я раздумываю, как он мог догадаться о моих предпочтениях, открывает банку.

— Пожалуйста, — протягивает мне.

— Спасибо, — отвечаю вежливо и, сделав пару шажков, обхватываю холодное дно дрожжащими пальцами. Мелкими глотками пью обжигающий газами напиток. — Так ты вернешь мне то... что взял?

Вытянув руку, Ярослав демонстративно отворяет вторую дверку бара.

Увидев, что лежит в миске для фруктов, ахаю.

— Боже. Это же негигиенично!

— Зато красиво. Мне нравится. Кстати, я оставил себе те, что с книжками. Не смогу с ними расстаться. Прости...

— Да ладно... — Легко пожимаю плечами, вручаю ему пакет и сразу предупреждаю: — Я себе ничего из твоих не оставила.

— Это потому, что желтых трусов у меня нет.

Я стискиваю зубы и зло смотрю на этого невозможного человека.

— Так что? Сыграем? — Он подхватывает мою ракетку и изображает бросок. — Я — клюшкой, ты — ракеткой. Бить будем по мячам. Чтоб честно.

Ярослав обворожительно улыбается, и я исключительно на голом инстинкте опускаю глаза.

Клянусь, судя по размерам, у него там еще одна клюшка.

Встроенная.

Обернувшись, смотрю на полупрозрачную сетку в воротах. Вратарь в них выглядит мощно, но я тут же догадываюсь о смысле данного приспособления. Во всех четырех углах и в центре расположены отверстия не больше пятнадцати сантиметров в диаметре. Думаю, таким образом игроки отрабатывают точность броска.

— И сколько будет попыток? — спрашиваю серьезно, отбирая ракетку.

Азарт берет свое.

С меткостью у меня всегда было отлично, потому это дело чести: обыграть Загорского.

— У меня одна.

— А у меня?

— У тебя — две.

— Ну уж нет, — не соглашаюсь и оставляю Рыжика на диване. — Мы должны быть на равных.

— Да ты феминистка? — уныло спрашивает.

— Я спортсменка. Это нечестно. Или у нас будет по одной попытке. Или я не играю.

— Лады. А на что играем? На желание?

Ярик клюшкой подталкивает к себе коробку с мячами, подтянув штанины, садится рядом и выбирает годные.

— Можно и на желание, — отвечаю тихо. — Только без какого-либо подтекста.

— Это еще какого? — Он бросает на меня внимательный взгляд снизу вверх.

— Сам знаешь.

— Да откуда?

— Без пошлого подтекста... — вырывается из меня.

— Да не дождешься, — усмехается он, и, ловко поднявшись на ноги, поправляет пояс штанов, а я сглатываю слюну.

Первый бросок проходит просто замечательно.

Оба попадаем.

Второй — уже нет.

Я тороплюсь и промахиваюсь, а Яр забивает так, будто у него вместо глаз инфракрасная рулетка, выстраивающая траекторию.

— Черт... — злюсь на себя и примериваюсь к третьему углу.

Загорский смотрит на меня оценивающе.

— Почему... теннис? — спрашивает задумчиво.

— В смысле? — Отвлекаюсь и сдуваю волосы с лица.

— Почему ты выбрала теннис?

Я легко отпускаю мяч.

Он тут же отпрыгивает от пола и снова оказывается у меня в руке.

Повторяю.

— Потому что мне нужно было выбрать спорт.

— Зачем, Саша?

— Нужно было...

Вообще, достижения в спорте — это еще один пункт деканата при переводе на бесплатное обучение.

— Ты могла выбрать что-то другое?

— У меня неплохой бросок. — Бью по мячу ракеткой.

Попадаю.

Уровень адреналина холодит кровь. Даже в ушах шумит по-игровому.

— Да! — радуюсь громко.

— Справедливо. Бросок отличный.

— И с координацией неплохо. Теннис мне нравится. Здесь есть место, чтобы и побегать, и поупражняться в меткости, и... проявить ум.

— Тебе важно все время быть умной. Да, Учебник? — Яр играет с мячом ребром клюшки.

Играючи забивает.

Только мышцы на руках завораживающе напрягаются.

— А ты почему выбрал хоккей? — спрашиваю с интересом.

— Не знаю... Наверное, мужиком себя почувствовал.

— Ты ведь с пяти лет занимаешься?

— Ну да. Пришел на первую тренировку. Там мне сразу же дали коньком по лицу. Кровищи было... весь лед залит, а я ни слезинки не проронил. Тренер сказал: «Настоящий мужик ваш пацан будет». Вот это ощущение... наверное, и держит. Когда чувствуешь себя... сильным. Самым сильным. — Он хмурится и замолкает. Будто сказал лишнее. — У меня до сих пор на лице шрам есть... Хочешь, покажу? — Поигрывает бровями и подзывает к себе.

— Никогда не замечала. — Гордо отворачиваюсь.

Не обижается.

— Он небольшой и заметен, только если хорошенько загореть. Кстати... — Ярослав с интересом разглядывает мои попытки примериться к четвертому углу. — Я думал, все теннисистки кричат, когда бьют по мячу. Очень у вас это сексуально получается...

— На игре — да, кричим, — я смеюсь. — Сейчас так не выйдет...

Он хмыкает и вскрывает еще одну банку с колой.

— Ты уж поднапрягись, Золотая, с криками! — Подносит ее к губам. — Я такую схему с этими соревнованиями замутил. Ждал...

— Боже. Какой ты... ужасный! — говорю, но почему-то не злюсь.

Встаю боком, разворачиваю корпус и отвожу ракетку назад. Платье непривычно обтягивает талию, становится короче, но в пылу азарта меня это мало беспокоит. Мяч подлетает, и я в нужный момент переношу вес тела на переднюю ногу. Бью точно. С прицелом.

Сердце замирает, но снаряд попадает точно в угол. Ярослав бьет без изменений. Немного лениво и скупающе.

И пускай пятая цель остается за мной, одно очко я все-таки проиграла.

— Только не поддавайся! — прошу его, убирая ракетку.

— Ты плохо меня знаешь, — со всей дури бьет и... побеждает, — я никогда не поддаюсь. Спасибо за игру! Желание за мной...

Пока ухаживаю за Рыжиком, боковым зрением замечаю, что Загорский рассматривает мои ноги, поэтому поправляю платье и наблюдаю, как красиво яркий дневной свет от панорамного окна ложится на бронзовую спину.

Удивительно, но все это время в гостинной, помимо тенниса и хоккея, ведется игра в пинг-понг. Взглядами.

Второе «удивительно» — в глубине души мне это нравится.

Очень нравится...

Глава 16. В моем номере

Тайга

Между убойной утренней тренировкой и вечерней игрой навещаю лучшего друга Авдеева.

Вот у кого не жизнь, а сказка.

Разместив прооперированную ногу с пластырем под коленом на тумбе, Миха отчаянно мучает плойку¹.

— Выпьешь или поешь чего-нибудь? — спрашивает, не отвлекаясь.

— Можно попить... — Скидываю пиджак на диван.

— В холодильнике. И мне захвати.

Я усмехаюсь и иду к кухонному гарнитуру.

— А если бы я поесть захотел, ты бы мне сварганить предложил?

— Я женатый человек, — говорит он гордо. — У меня тут первое, второе и компот.

Квартира у Авдеевых напоминает мою, только дом находится не в центре, а на набережной. Тоже двухэтажная, с панорамными окнами и современным ремонтом.

— Держи. — Открываю для него банку с колдой. — Сорян. Компот не нашел.

— Просто ты слеповат. — Миха пялится в экран.

— Сам ты Слеповат, а я Ярослав. — Хватаю второй джойстик и, развалившись на другой половине длинного дивана, включаюсь в «бродилку».

Разобравшись со своим игровым персонажем, громко ржу.

— Ты мало в больничке полежал? — нарочито уныло интересуюсь и суюсь в операционную. Вернее, это делает за меня человечек на двухметровой плазме на стене.

— Это родильный дом, — ворчит Авдеев, нажимая на кнопки.

— Блядь... Ты такой забавный... — С улыбкой съезжаю ниже и расслабляюсь.

Мышцы после тренировки дают о себе знать легким потягиванием.

— Разбираюсь, что тут к чему... Для практического опыта... Насмотренность развиваю.

— Так, может, ты еще и родишь здесь?

— Может, и рожу...

— Я могу поддержать твою руку, пока ты будешь тужиться, — лыблюсь.

— Идиот. — Миха ржет.

— И перережу пуповину. Могу потом и в реальности подсобить.

— Я тебя на хрен задушу. — Авдеев злится. Ревнует.

— Если догонишь. — Посматриваю на его колено.

Мой заход в отношения с Аней, когда он свалил за бугор и прекратил общение с друзьями, Арктика не оценил. Пришлось пару раз подраться и получить по носу. Хотя в целом эта ситуация показала, что вряд ли мы еще когда-нибудь поругаемся. Ведь для него нет ничего более важного, чем жена. Все остальное — не так серьезно.

— Че там с клубом, Яр? — Миша так молниеносно меняет тему, что я долго въезжаю, о чем он.

— Пока ничего, — отвечаю и скриплю зубами.

Реальное положение дел известно только мне, но иногда... вся хуйня просто не умещается в черепной коробке, поэтому я сгружаю ее лучшему другу. Да и вообще друзьям.

Потому что, когда мамы не стало, у меня осталась только одна семья. Хоккейная.

Авдеев жмет кнопку на пульте, и экран гаснет.

— Ничего или ничего хорошего?

¹ Игровая приставка PlayStation от Sony — прим. авт.

— Скорее второе. — Пожимаю плечами. — Если бы не Болотов, меня бы давно убрали. Держусь только за счет него.

— На хрена ему это надо?

— Отцу? — морщусь и снова злюсь. — Не для того, чтобы я поиграл в НХЛ.

— Выглядит именно так.

— Он хочет, чтобы я свалил из города, потому что много знаю. Ни у кого нет столько информации на него, как у меня.

— Может, поделишься?

— Лучше живи спокойно, Мих! — Смотрю в сторону прихожей.

Дверь открывается, и в квартиру заходит Аня.

Я разглядываю ее фигуру в глухом черном комбинезоне: стройные длинные ноги, аккуратный животик, явно увеличившаяся грудь и симпатичное лицо в обрамлении светлых волос.

В одном Учебник точно права: стройные, невысокие, красивые блондинки — мой любимый типаж.

И мама была такой же...

По крайней мере, до болезни.

— О, у нас гости! Привет, Яр! — Анюта гостеприимно мне улыбается и подходит к мужу. Целует его в губы и смотрит на его колено так, будто больно ей. — Не беспокоит?

— Не-а. — Миха накрывает кругленький живот ладонью. Гладит. Я смотрю на них как на инопланетян. — Что сказали? Как там наш маленький?

— Все у нас в норме. Врач меня похвалила. Сказала, что выгляжу прекрасно.

— Я тебе это каждый день говорю. Ты не веришь... Загоняешься по поводу веса...

— Кстати, вес я прибавляю не слишком быстро. Это тоже врач сказала. И вообще... Со спины даже не видно, что я беременна.

Взмахнув волосами, Аня поворачивается и демонстрирует свое «со спины». Талия и правда пока на месте.

— Да? — она ждет подтверждения.

— Ага, — Миха тут же соглашается. — Ни за что бы не заметил...

— Яр? — Мое мнение ей тоже надо позарез.

Локоть Авдеева больно заезжает в глаз.

Я смотрю на друга волком.

— Вообще не видно, — уверяю будущую мамочку, почесывая ушибленное место. — Увидел бы сзади, никогда бы не подумал, что ты в положении...

Полностью удовлетворившись ответами, Аня расцветает и странной походкой поднимается на второй этаж.

— Она ходит как пингвин, — наклоняюсь к другу. — Это ведь сразу заметно...

— Если хочешь жить — молчи, — Авдеев ворчит и снова дико ревнует: — И хватит пялиться на мою жену!

— Больно надо! Будто мне не на кого пялиться... — отвечаю мрачно и вспоминаю высокую грудь Сашы во вчерашнем платье.

Ее тонкую талию, стройные ножки и сладкие, манговые губы.

Игра с «Шахтером» начинается довольно нервно. Может быть, виной тому положение команд в турнирной таблице, а может, то, что их капитан — не кто иной, как Ратмир Сагеев.

Я чувствую себя в своей тарелке, и лед под коньками поет в такт. Все привычно: свисток, вбрасывание, гул трибун, который сливается в один сплошной шум.

Взяв упор на обе ноги, сощуриваюсь в глаза бывшему сокоманднику и забираю шайбу себе. На трибуны не смотрю специально. По крайней мере — пытаюсь. Хотя глаза сами скользят в их сторону.

Снова и снова.

Ключка цепляется, в меня на полном ходу въезжает Сагеев. Мы врезаемся в борт. Они оба твердые, заразы.

— Хули ты встал, Загорский? — ревет Ратмир на адреналине.

— Да так, — нагло вато усмехаюсь, поправляя шлем, и поднимаю перчатку со льда. — Любуюсь.

— Чем, блядь?

— Сам посмотри. — Загадочно киваю наверх.

Там... Золотая.

Я знаю, где она сидит. Знал еще до того, как вышел на лед.

Третий сектор, четвертый ряд у прохода.

Запрокинув головы, мы оба пялимся на Сашу.

На Сашу в моей форме и в моем номере.

Ей все это трындец как идет.

И ее кудряшкам тоже.

— Ах ты урод! — Сагеев пытается заехать мне по морде, но, промахнувшись, снова отправляется напрямиком в борт.

— Осторожнее надо быть... — Улыбнувшись третьему сектору, уезжаю.

Все-таки хорошо, что она не только до хрена умная, но еще и азартная. И желание мое выполнила.

Глава 17. По любви

Саша

Шайба у Тайги. Он отправляет ее девяносто девятому номеру. Кажется, это Кавказ, который ракетой врывается в зону противника и возвращает четкий пас Тайге.

Я наконец-то останавливаю взгляд.

Высокий рост, широченные плечи, длинные мускулистые ноги. Коньки — словно их продолжение. Этот жестокий вид спорта, на самом деле, создан для Ярослава Загорского. Или он для него? Как ни крути, они спелись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.